

Свечи

декабрь 2017

журнал
Никиты Михалкова

ВРЕМЯ СИЛЬНЫХ

В советском человеке
все должно быть
прекрасно

ФОТО: СВЕДЛОВРИА.НОВОСТИ

Народный маршал

За что солдаты
любили Ивана Конева

Я все смогу, я клятвы не нарушу

От «Павла Корчагина»
до «Большой перемены»

Гиперболоид доктора Басова

Луч,
удостоенный Нобеля

Б. КУСТОДИЕВ. «МОСКОВСКИЙ ТРАКТИР», 1916

В. ПЕРОВ. «ГОЛУБЯТНИК», 1874

Москва сквозь века

Экспозиция состоит из пяти разделов: «Москва — третий Рим», «Московский Кремль — сердце города», «Разговоры о старой Москве», «Красная площадь. «Формула Москвы» и «XX век. Городские голоса». Посетителей ждет встреча с полотнами Василия Сурикова, Бориса Кустодиева, Аристарха Лентулова, Василия Поленова, Аполлинария Васнецова, Василия Перова, Владимира Маковского, Александра Дейнеки, Константина Юона, Владимира Брайнина и многих других.

Некоторые картины не экспонировались ранее, например, «Пушкинская площадь» Михаила Гуревича, написанная в 1937 году, когда памятник Пушкину располагался не там, где мы привыкли его видеть. Впервые показаны «Москва 30-х годов» (1932) Виктора Мидлера, «Кузнецкий мост» (1958) Олега Васильева, «Кропоткинская улица» (1948) Виктора Апфельбаума, «Яузские ворота» (1979) Ивана Сорокина.

Т. НАЗАРЕНКО. «МОСКОВСКИЙ ВЕЧЕР», 1978

В Третьяковской галерее продолжает работу выставка «Москва сквозь века». На ней представлены как малоизвестные произведения (в том числе иконографические), так и всем знакомые шедевры. Образы допожарной Москвы запечатлены в иконах XVII века и первых пейзажах столицы, выполненных Федором Алексеевым.

Отдельные произведения были специально отреставрированы к открытию. Так, после долгих и кропотливых трудов по восстановлению впервые демонстрируется публике «Извозничий двор в Замоскворечье» (1887–1892) Сергея Светославского. Картину Аристарха Лентулова «Москва» (1913) можно видеть в постоянной экспозиции Новой Третьяковки — представленная здесь, она также прошла сложные реставрационные работы и заметно преобразилась.

Одна из особенностей смотря — возможность услышать «голоса города»: Институт звукового дизайна совместно со специалистами в различных областях создали аудио инсталляции, «озвучивающие» главные произведения и позволяющие погрузиться в атмосферу Москвы разных эпох. **Выставка, которая продлится до 21 января 2018 года, работает по адресу: Москва, Лаврушинский переулок, 12.**

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Да не судимы будете	28–31	Литфонд «Зло над тобою судьба подшутила» К 155-летию поэта Семена Надсона
3–7	Дом Романовых Он взял Париж, он основал Лицей Чем запомнилось царствование Александра I	32–35	Другие берега Анн Кольдефи-Фокар: «Мечтаю перевести на французский «Лето Господне»
8–11	Красные и белые Антон Иванович заблуждается Победы и поражения генерала Деникина	36–39	Живая история Приют для анархиста Музей Кропоткина приглашает в Дмитров
12–15	Полководцы Народный маршал	40–43	Русский гений Гиперболоид доктора Басова
16–18	Рожденные в СССР Исчезнувшая империя Почему Страна Советов продержалась всего 69 лет?	44–47	Страна мастеров Человек и ледокол Как «Ленин» «Сталина» превзошел
19–23	Стоп-кадр Я все смогу, я клятвы не нарушу	48	Трапезная Манна чудесная
24–27	Уходящая натура Время сильных		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

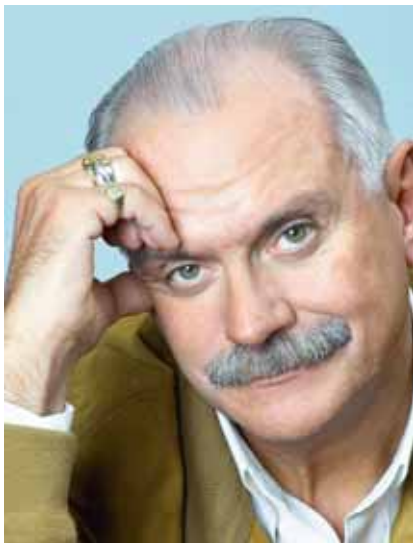
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Буршевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 5812/17

Тираж 40 155

Подписано в печать 13 ноября 2017 г.

Да не судимы будете

Давний знакомый однажды поведал мне невероятно пронзительную историю из собственной жизни. Потеряв отца, расстрелянного в годы «чисток», он рос под заботливым присмотром мамы и отчима, в обычной коммунальной квартире. Только спустя полвека обнаружил документы, из которых однозначно следовало: родителя арестовали по доносу того самого отчима, бывшего соседа по коммуналке. А прожили они в мире и согласии десятки лет. Перед моим товарищем встала мучительная дилемма — рассказать обо всем матери либо продолжить делать вид, будто ничего нового и неожиданного в их общей судьбе не произошло. Он промолчал...

У этой похожей на притчу истории нет очевидной, лежащей на поверхности морали. Скорее, она содержит намек на знакомую всем евангельскую максиму: «Не судите, да не судимы будете». Неудивительно, что тоньше всех в подобных жизненных ситуациях разбираются как раз те, кто верует в Бога, обладает религиозным мироощущением.

По моему мнению, этот человек поступил абсолютно правильно, истинно по-христиански. Открывшиеся факты могли запросто свести в гроб близких, не принеся — и это важнее всего! — ни малейшей пользы окружающим.

Я никогда не призывал скрывать от народа, общества непровержимые свидетельства того, что происходило в стране и со страной в самые мрачные, на взгляд наших современников, годы. Наоборот, всегда признавал точность знаменитой толстовской фразы, что самый страшный враг правды — не ложь, а полуправда. Тем не менее вновь, уже в который раз, готов повторить за мудрым православным старцем: «Жестокая правда без любви есть ложь».

Революция, свершившаяся в России в 1917-м, затем пожирала своих детей еще много лет. И не только «детей» — жертвами «классовой борьбы» нередко становились ни в чем не повинные люди. Будем помнить это как тяжелый, пройденный нами урок — во избежание повторения чего-то подобного в будущем. Но в то же время мы не вправе ставить под сомнение великие подвиги, славные дела и добрые намерения нескольких поколений соотечественников, которым довелось родиться и жить в крайне непростых исторических условиях.

Те, кто без усталости клянет советское прошлое, не хотят понять главного: и в 20-е, и в 30-е годы XX столетия, и много позже над землей, как и сейчас, вставало солнце (а вечером, уже будучи изрядно утомленным, со всеми нежно прощалось), точно так же текла река, раздавался стук мяча на пляже, звенели детские голоса, люди радовались жизни и были по-своему счастливы. В прежнюю эпоху было немало светлого и темного, печального и радостного, трагического и героического. Именно поэтому миллионы и миллионы по всей России ежегодно 9 Мая встают в шеренги «Бессмертного полка». И именно такие, в определенной мере ностальгические, мысли посещают многих из нас в декабре, когда по старой памяти мы отмечаем очередную годовщину со дня образования СССР.

A handwritten signature in black ink, appearing to be a stylized name or initials.

Он взял Париж, он основал Лицей

240 лет назад в Петербурге родился самый таинственный из русских монархов. Современники порой относились к нему весьма придирчиво. Но, кто бы что ни говорил, слава никого не пригревает нечаянно, беспричинно. Победитель и просветитель — двух этих званий оказалось достаточно, чтобы император Александр I вошел в историю как Благословенный.

Алексей Беляев

Красив, умен и жив

За четверть века правления Александра I Россия укрепила статус великой державы, одержала победу в Отечественной войне, начала медленные, но верные социальные преобразования.

Любимый внук великой императрицы, которая сочиняла ему сказки и сравнивала его с Александром Македонским, он рано привык к ироническому стилю общения, ежедневной политической круговерти Зимнего дворца.

«Как стал царевич вырастать, кормилица и няни начали примечать, что сколь он был красив, столь же умен и жив. Повсюду разнесся слух о красоте, уме и хороших дарованиях царевича», — писала про него Екатерина. Ключевский позже заметил: этому молодому человеку приходилось иметь «две парадные физиономии» — на два двора, включая Гатчинский, где всем командовал батюшка Павел Петрович. Александр умел очаровать

всех, попутно проходя отличную дипломатическую школу — тем более важную и нужную, что учиться по книгам-лекциям он явно не любил. Преподаватели (в том числе «якобинец» Лагарп) жаловались: цесаревич равнодушен и к литературе, и к математике, и к закону Божьему. Нравились ему только армейские забавы на воздухе.

Цесаревич знал о заговоре против Павла I и предпочел держаться в стороне. Посвятив Александра в планы мятежников, граф Пален дал слово сохранить жизнь его отцу. Но в ту ночь в Инженерном замке все благородные посулы не стоили гроша. Смерть родителя наследник оплакивал искренне.

Леонтий Беннигсен, один из предводителей путча, вспоминал: «Император Александр предавался отчаянию довольно натуральному, но неуместному». А Палену приписывают фамильярный призыв: «Полно ребячиться, ступайте править!» Последнего молодой император быстро удалит с глаз долой.

Беннигсен, напротив, станет одним из выдающихся полководцев наполеоновских войн.

Все будет, как при бабушке?

Первая речь новоиспеченного монарха запомнилась обещанием: «Буду править по закону и сердцу бабушки своей Екатерины Великой». Седовласым екатерининским орлам приятно было слышать такие слова, однако очень скоро все увидели, что его политика оказалась далека от бабушкиных канон. «Республиканец на троне», поклонник Французской революции в душе, он наломал бы дров, окажись у него характер Петра I. Но Александр Павлович избегал радикальных решений, сомневался, осторожничал.

Менее всего царь напоминал деспота. На все взирал сквозь маску равнодушия и надежно прибирал к рукам власть, сталкивая пылких реформаторов с опытными охранителями. Несколько лет заметное

влияние на его политику оказывали «молодые друзья» императора — кружок, душой которого был князь Адам Чарторыйский. Потом настало время Михаила Сперанского. Многие в ту пору носились с конституционными проектами. Казалось, вот-вот государь отменит крепостное право и издаст закон о парламенте. Но мечтам о конституции осуществиться было не дано, а крестьянская реформа ограничилась «Указом о вольных хлебопашцах», по нему свободу получили всего лишь 47 000 человек. Россия готовилась к большой войне, укрепляла армию, в первую очередь артиллерию, которая спасет страну в 1812-м. Тем не менее политический режим стал заметно гуманнее, в стране появлялись новые очаги просвещения, начиная с Царскосельского лица.

У любого, сколь угодно безупречного, политика есть свои слабости. Александр Павлович с избыточным скепсисом относился к способностям соотечественников. Русские в те времена воспринимались всюду как вечные ученики Запада. Весь XIX век ушел на то, чтобы сломать этот предрассудок. Александр, в отличие от бабушки, даже отечественных полководцев и диплома-

тов не торопился на первый план выдвигать, при том, что те явно склонны были вершить судьбы мира. Император мечтал, чтобы его армию возглавляли Моро, Бернадот, Веллингтон... Не особо высоко ценил и русских писателей — куда им, дескать, до немцев с французами. А ведь золотой пушкинский век пришелся и на Александрову эпоху.

Но не все было в этом смысле так уж беспросветно. К примеру, еще летом 1812 года, в самые тяжелые дни вражеского нашествия, он приблизил к престолу Александра Шишкова, и патриотическое направление его державной политики стало магистральным. Царский выдвиженец сочинял государственные манифесты, сплотившие

М. Сперанский

А. Шишков

страну. Их зачитывали в храмах по всей России.

Царь на белом коне

Тогда же император впервые прочитал Евангелие, а позже признавался на сей счет: «Пожар Москвы осветил мою душу. Суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотой веры». Скептик превращался в христианина, республиканец — в консерватора, рационалист — в мистика. С тех пор поездки по монастырям заменили ему и балы, и армейские парады.

Он выполнил свою главную миссию — одолел французов. Александр не мог сравниться с «корсиканским чудовищем» в тактическом мастерстве, но преуспел в главном: осенью 1812 года не допустил ни раскола внутри страны, ни очередного дворцового переворота, на который надеялся Наполеон, и сумел довести великое дело до конца, не дрогнув после серии поражений и не дав волю мести. «Северные варвары» не квитались за разоренную Москву, за оскверненные святыни. И когда русский царь на белом коне въехал в Париж, он обаял французов непринужденными манерами и широкими жестами. Немцы и англичане планировали уничтожить Францию как европейскую державу, но Александр не позволил. В те дни в Европе его называли «Агамемноном среди царей», а в России — Благословенным:

*Веселися, царь блаженный,
Александр Благословенный!
Русская земля сильна:
О тебе она радела,
Груди, жизни не жалела:
Дайте чашу нам вина!*

Так восславил его Гавриил Державин, поэт и министр, который с императором не сработался. В 1814-м, после взятия Парижа, даже недруги отдавали должное царю-триумфатору.

Не мне подобает карать

Священный союз стал самым очевидным, но и самым спорным гео-

С. ТРОШИН. «ТРИУМФ РУССКОЙ АРМИИ В ПАРИЖЕ», 2011

политическим успехом. Проект «Единая Европа» не состоялся. Интересы Лондона, Санкт-Петербурга, Вены и Парижа чересчур разнились, а России слишком часто приходилось платить по чужим счетам. Тяжесть ложилась на плечи русского солдата, который и в воде не тонет, и в огне не горит. И все же это было яркое свершение: почти сорок лет Союз определял партитуру европейского оркестра.

«Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы Их Величества Император Всероссийский, Император

Австрийский и Король Прусский, высочайше внутренне убежденные в том, сколь необходимо взаимные отношения подчинить высоким истинам, внутренним законам Бога Спасителя, объявляют торжественно, что предметом настоящих актов есть открытая перед лицом вселенной их непоколебимая решимость руководиться заповедями сей священной веры, заповедями любви, правды и мира» — так начинался акт об образовании европейского альянса, подписанный в сентябре 1815-го в Париже.

Конечно, автор этих слов — Александр. Именно он после московского пожара ощущал себя «перед лицом вселенной». Русский самодержец стоял у истоков современного международного права.

В последнее десятилетие «дней Александровых» сторонники реформ приуныли. В тайных обществах (позже их назовут декабристскими) вынашивались планы радикальных перемен, выступлений вплоть до вооруженного восстания. Когда императору доложили об этих умыслах, резкой реакции не последовало: «Вы знаете, что я в молодые годы разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Не мне подобает их карать», — ответ меланхолический и твердый, вполне в его стиле.

Государь умер, когда политика ему окончательно наскучила, 1 декабря 1825 года, в Таганроге, в скромной одноэтажной резиденции. Его уход сопровождали слухи-домыслы: что, если покойника подменили, а царь жив, просто удалился от дел? Он ведь давно мечтал о жизни уединенной и размеренной. Так возникла легенда о Федоре Кузьмиче, загадочном старце, у коего многие примечали императорскую осанку. Но это уже совсем другая история.

Ж.-Б. ИЗАБЕ. «ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС», 1819

Время распускать «каменщиков»

Екатерина Глаголева,
кандидат филологических наук

По мнению многих историков, вплоть до 1822 года на политику Александра I сильно влияли «вольные каменщики». Затем их ложи и прочие тайные общества были императором запрещены. Разобраться в этой «экзотической» теме нам поможет автор целого ряда историко-документальных сочинений, в том числе книги «Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения».

СВОЙ: *Насколько важные роли играли представители «вольных каменщиков» в государственной и общественной жизни России при Александре I?*

Глаголева: С его воцарением масонство, подвергавшееся гонениям при Екатерине II и Павле I, вернуло себе былые позиции. Были восстановлены три прежние ложи и созданы десятки новых. Традиционная зависимость от шведского масонства постепенно сменилась влиянием со стороны Великого Востока Франции. Были созданы русские военные ложи, пять из них учредили в Париже Великую ложу «Астрея» — в январе 1815 года. Позже она функционировала уже в Санкт-Петербурге. Два года спустя в нее входили 12 лож, а к концу существования — 19. Дей-

ствовали в России и ложи шотландского ритуала. Массовый характер масонство приняло потому, что в ложах легче было обзавестись полезными связями — в них состояла практически вся элита. Они занимали ключевые посты в правительстве.

Еще будучи цесаревичем, Александр был окружен «вольными каменщиками» из числа русской знати (Адам Чарторыйский, графы Павел Строганов и Николай Новосильцев, князь Александр Голицын). Через одного из своих друзей, Виктора Кочубея (масона с 1786 года), он просил канцлера Александра Безбородко составить проект конституционной реформы, однако тот уклонился от выполнения данного поручения. Главный реформатор Михаил Сперанский был связан с руководителем Петербургской ложи иллюминатов, немецким профессором Фесслером.

СВОЙ: *Правда ли, что именно масоны организовали убийство Павла I?*

Глаголева: «Вольными каменщиками» были многие участники заговора, включая английского посла Витворта, участвовавшего в подготовке, и брата его любовницы Жеребцова, масона высших градусов. Состояли в том братстве и граф Пален, и многие командиры гвардейцев (Уваров, Аргамаков, князь Вяземский и Голицын). И тем не менее заговор против Павла нельзя считать сугубо масонским. Для устранения императора нашлось множество причин, и просто так совпало, что убийцы оказались членами лож.

СВОЙ: *Александр I в какой-то из них состоял?*

Глаголева: Достоверных сведений об этом нет. Согласно некоторым свидетельствам, он был посвящен в 1802 году или даже раньше. Во всяком случае, одно из собраний ма-

сонской ложи в Париже, в которой состоял Талейран, проходило при участии русского императора.

СВОЙ: *Почему царь запретил тайные общества в 1822 году?*

Глаголева: Видимо, Александр попросту стал тяготиться их «опекой». Среди побудительных мотивов часто называют меморандум графа Гаугвица, прусского экс-кабинет-министра и бывшего масона: на конгрессе Священного союза в Вероне в 1822 году тот предостерег европейских государей от происков «вольных каменщиков», утверждал, что их подлинной целью является достижение всемирного владычества и превращение монархов в своих марионеток. Однако конгресс проходил в октябре–декабре, а высочайший рескрипт на имя графа Кочубея «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» вышел уже 1 августа, и в нем было такое указание: «Все тайные общества, под какими бы они наименованиями ни существовали, как то: масонские ложи или другими — закрыть и учреждения их впредь не допускать». Масонов рассматривали и как иностранных агентов — из-за связей с зарубежными организациями. В рескрипте причиной запрета названы «беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования тайных обществ», их надлежало предотвратить в России.

СВОЙ: *Как русское масонство повлияло на декабристов?*

Глаголева: Некоторые франкмасоны образовали Союз благоденствия, его сменили Северное и Южное общества. Их члены участвовали в попытке государственного переворота. По определению, масоны должны быть вне политики. Однако этот принцип к 1825 году основательно забыли.

Августин Северин

Красные и белые

Генерал А. Деникин

АНТОН ИВАНОВИЧ заблуждается

Валерий Шамбаров

В образе Антона Деникина соединились типические черты русского офицерства начала XX века, по большей части — лучшие: честность, храбрость, патриотизм, высокая культура. Но к этим качествам примешивались, увы, странная политическая дезориентация, податливость либеральным и прочим западным влияниям. Впрочем, подобные противоречия пронизывали тогда не только военное сословие, но и все российское общество.

ФОТО: ШТАБС-КАПИТАН МАРТИНОВИЧА НОВОСТИ

ДЕНИКИН был выходцем из низов. Отец — отставной майор, выслужившийся из крепостных крестьян, сданных в рекруты, — в почтенном возрасте женился на польской швее и умер, оставив ее с маленьким сыном и пенсией в 25 рублей. Антон рос в бедности. Окончил реальное училище, подрабатывая репетиторством. Мечтал стать военным, поступил в полк вольноопределяющимся. Служил на солдатских правах и довольствии, в свободное время занимался самообразованием. Был произведен в офицеры, пробился в Академию Генштаба.

Первое предупреждение о том, к чему ведут «прогрессивные» учения, получил, когда командовал ро-

той. Взявшись внедрять сознательность, распустил солдат, развалил дисциплину. Позже вспоминал, как после провала его экспериментов фельдфебель Сцепура, показав роте огромный кулак, грозил: «Я вам не капитан Деникин!»

По-настоящему отличился на японской войне, будучи начальником штаба Забайкальской и Урало-Забайкальской дивизий. После Цинхеченского сражения одна из сопок вошла в историю под названием «Деникинской». В 1905-м увидел своими глазами и революционное безумие. Всю Транссибирскую магистраль охватили восстания. Чтобы вернуться из Маньчжурии, он собрал отряд добровольцев, с оружием проры-

вались на поезде через бушевавшие станции.

Из подобных происшествий извлекал уроки, но по-прежнему держался «передовых» взглядов. Помимо ратных достижений, проявил и литературные таланты, его статьи и очерки публиковались в журналах. Фрондировал, полагал, что борется с ретроgrадами в командовании, с косностью и недостатками военно-бюрократической системы. Был уверен, что делает это на пользу России.

Крепче стали

Наверное, лучшим периодом в его жизни стали годы Первой мировой — трудным, трагическим, но при этом ярким и героическим. Здесь натура Антона Ивановича проявилась как цельная, энергичная, волевая. Его 4-я стрелковая, Железная бригада, позже развернутая в дивизию, стала легендарным соединением. Каждое сражение приносило ей новые почести.

Дерзкий прорыв фронта у Горного Лужка и захват ставки австрийского командующего, рейд за Карпаты по непроходимым снежным кручам, неожиданные для врага контратаки и победы в безвыходных ситуациях, двукратное взятие Луцка, поединки с германской Стальной дивизией, поставившей вопрос, что крепче, «немецкая сталь или русское железо?», и разбитой вдребезги, — за эти и другие подвиги мундир генерала украсили награды, и он был назначен командовать корпусом.

Грянувшая революция все и вся вокруг расколола — и в народе, и в армии, и в душе Деникина. Он видел слезы солдат, читавших манифест об отречении императора, но сам им не сочувствовал. Принимал на веру все байки и наветы, которые оппозиция с иностранцами распространяли о государе, разделял либеральные взгляды на реформы, убедил себя в том, что они откроют России путь к процветанию. Когда военный министр Временного правительства Гучков вызвал Деники-

на в Петроград и предложил пост начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерал согласился. Видимо, был польщен — увольняли «реакционеров», а выдвигали молодых и способных.

В войска хлынула «демократия», армия разваливалась. Позже он довольно подробно пишет, что творилось. Как боевого командира, выполнявшего свой долг, убила разнузданная толпа. В другом подразделении революционный офицер развращал подчиненных, рушил походный храм и осквернял иконы. Тут-то в мировоззрении Антона Ивановича и случился трагический разрыв. Он оставался горячим патриотом и смириться с гибельными процессами не мог. Хотя сохранял при этом либеральные взгляды, высоко ставил союзников по Антанте. Не допускал даже мысли о том, что именно они руками ставленников во Временном правительстве толкали Россию в пропасть. Неправильными находил лишь методы новой власти, не понимая ее странные и нелогичные шаги.

За единую и неделимую

В мае 1917-го за неприятие развернувшейся вакханалии был уволен Верховный главнокомандующий Алексеев. Деникин тоже ушел из Ставки, заняв пост главнокомандующего фронтом. Сошелся с генералом Корниловым, видевшим выход в силовом наведении порядка. Когда Керенский вероломно подставил патриотов, приняв корниловский план, а потом объявив его автора мятежником, Антон Иванович направил в кабинет министров гневную телеграмму: «Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду».

За это был арестован и чуть не растерзан революционными солдатами. Очутился в Быховской тюрьме вместе с Корниловым и другими единомышленниками. После октябрьского переворота, воспользовавшись безвластием, они сумели бежать на Дон. За сломом из казачьих сабель надеялись сформировать войска, заполучить помощь союзников. Но расчеты не оправдались. Горстке из 4 тыс. офицеров, юнкеров,

казаков пришлось уходить в зимнюю степь. В Ледяном походе Корнилов возглавил Добровольческую армию, Деникин стал его помощником с единственной обязанностью — заменить командующего в случае смерти. Такой момент настал под Екатеринодаром 13 апреля 1918 года.

В Гражданскую его незаурядный полководческий дар проявился в полной мере. Во Втором Кубанском походе 9000 штыков и сабель успешно противостояли трем армиям численностью 100 000. В январе 1919-го началось наступление двух армий Советов (150 000 бойцов). У Антона Ивановича было втрое меньше сил, но противника он разметал. Наконец, взломал весь красный фронт на юге, повел наступление на Москву.

Развивалось оно поначалу весьма успешно, белые части взяли Орел, подходили к Туле. Деникин этими викториями никогда не гордился. Всегда помнил и указывал: кровавая битва идет против своих же, русских людей. Кстати, тогда он первым из военачальников отдал приказ, запрещавший расстрелы пленных.

Победы Антона Ивановича кончились ничем. Последним его успехом стало спасение остатков своих войск: блестящий фланговый маневр, предписывающий отступить не на юг, а на восток, вдоль фронта, ускользая из-под неприятельских ударов; эвакуация из Новороссийска, которую считали невозможной.

После этого главнокомандующий, бесконечно уставший, опустошенный, сложил с себя полномочия. Издал приказ: «Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых».

Он все еще силился сплотить против большевиков патриотические силы, выдвинул лозунг, казалось бы, подходящий для всех политических группировок — о единой и неделимой России. Но, по сути, старался соединить несоединимое: измену царю — с верностью Отечеству, исторические устои — с достижениями революции, православие — с вольнодумством и атеизмом, монархистов — с кадетами, эсерами, социалистами, масонами и просто авантюристами, всплывающими в мутной пене любого катаклизма. Такой фронт не мог быть прочным.

ФОТО: ПАВЕЛ БАЛБАХОВ/РИА НОВОСТИ

Французские танки в Одессе. 1919

«Не увижу, как Россия спасется»

Деникин по-рыцарски держался за союз с западными державами. Но те предавали русских. Франция поддержала Петлюру на Украине, Англия — меньшевиков в Грузии, восстание в Чечне и Дагестане. Антон Иванович стремился отстаивать интересы России, не признавал суверенности национальных окраин, не позволял британцам захватить нефтепромыслы в Грозном. И не мог понять, что его «единая и неделимая» как раз и не устраивает иностранцев. Западные государства сделали все, чтобы он и его соратники не победили.

В разгар наступления на Москву поляки, которых белые считали союзниками, вдруг заключили с красными перемирие. Большевики, пользуясь ситуацией, нанесли удар во фланг и тыл наступавшей группировки. Глава британской дипломатической миссии при Деникине генерал Киз плел интриги с грузинами, «зелеными», поощрял кубанских сепаратистов, при отступлении и эвакуации в Крым организовывал заговор среди его подчиненных. В то же время Англия и США тайно помогали большевикам, готовым после победы расплатиться национальными богатствами России.

Антон Иванович, как и прежде, оставался в плену иллюзий,

обычных для тогдашнего русского офицерства. О целенаправленных подрывных операциях союзников против нашей страны он не знал. Привычные штампы мышления мешали ему обобщать и правильно оценивать факты. Будучи патриотом, держался за альянс с Антантой, серьезно вредившей ему. А большевики, которых та действительно поддерживала, умело поднимали народ на борьбу — с якобы ставленниками чужеземцев.

Покинув Россию, Деникин с женой и дочкой жили в Бельгии, Венгрии, Франции. И здесь пригодились его литературные таланты. Пятитомные «Очерки русской смуты» до сих пор считаются одной из лучших работ по истории революции и Гражданской войны. Вышли в свет книги «Офицеры», «Старая армия». Он трудился над повестью «Моя жизнь» (осталась незавершенной, издана под названием «Путь русского офицера»). Печатались его брошюры, статьи. Превосходно написанные, насыщенные ценной информацией, они пользовались спросом, а заработки обеспечивали скромное существование семьи генерала.

В начале 1930-х годов он пробовал включиться в борьбу с советской властью, возглавлял организацию «Союз добровольцев». Но успехов не добился. Активная работа в данном направлении была доступна лишь тем эмигрантским

структурам, которые получали покровительство и финансирование западных спецслужб.

С началом Второй мировой развернул агитацию против сотрудничества с нацистами, призывал поддержать Красную армию. Верил, что русские, победив Германию и осознав свою силу, свергнут и большевиков. Когда немцы вторглись во Францию, Деникины бежали из Парижа, остановились в поселке Мимизан, хотя и тот попал в зону оккупации. Жили впроголодь, для пропитания возделывали огород. Гитлеровцы неоднократно обращались к нему, зазывая на службу. Приглашали переехать в Берлин, по некоторым сведениям — возглавить русское антисоветское движение. Антон Иванович категорически отказался.

После войны Франция резко полевела, многие эмигранты потянулись в советское посольство. Деникин сотрудничать с коммунистами не желал и подвергся за это травле. Решил переехать в США. С началом холодной войны обратился к Западу с меморандумом «Русский вопрос». Настаивал на том, чтобы противостояние коммунизму не смешивалось с борьбой против русского народа, а в случае войны не строились планы расчленения России. Осознать, что операции западных держав всегда нацеливались именно против его Родины, а большевизм или антикоммунизм становились лишь политическими инструментами на разных этапах, ему было уже не дано. 7 августа 1947 года он скончался от сердечного приступа.

Генерал во многом заблуждался, но Отчизну любил свято, самозабвенно, до конца дней своих верил в ее грядущее возрождение. Последними его словами были: «Вот не увижу, как Россия спасется».

Родная земля приняла Деникина 3 октября 2005 года. Прах Антона Ивановича и его супруги был перезахоронен в Москве, в стенах Донского монастыря.

ПОЛКОВОДЦЫ

Маршал Конев в освобожденной Праге.
Май 1945 года

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Народный маршал

Арсений Замостьянов

В большой плеяде командующих фронтами и армиями Великой Отечественной Иван Конев затеряться никак не мог. Добрую память о нем сохранили рядовые и сержанты, младшие и старшие офицеры. Именно его (как во времена наполеоновских войн Михаила Милорадовича) часто величали «солдатским маршалом». Он был лишен высокомерия, генеральского апломба, шутил так, что всем вокруг становилось весело, распаек так, что мало никому не казалось. Взял за правило прощупывать позиции перед большими операциями, спускался в окопы, многое проверял лично, вникал в детали. Из военных руководителей такого ранга никто не бывал столь часто под обстрелами. В него верили, им гордились. Недаром в киноэпопее «Освобождение» роль Конева исполнил истинно народный артист Василий Шукшин.

Настоящая военная косточка

Кажется, фронтовая биография маршала известна как азбука. Однако о некоторых эпизодах его жизни мы судим по устоявшимся мифам, слишком простым, одномоментным.

В известной книге американского офицера Майкла Ли Лэннинга «Сто великих полководцев», в которой те выстроены по ранжиру, Конев опередил Жукова. Автор подчеркивает, что именно Иван Степанович стоял у истоков вооруженных сил Варшавского договора и превратился в одного из наиболее могущественных военачальников времен холодной войны, великого противостояния сверхдержав. Место в сотне именитых стратегов мировой истории Конев заслужил по праву. «Настоящая военная косточка» — так называл его Александр Фадеев.

«Родился я в деревне Лодейно на Вологодчине (ныне — в Кировской области. — «Свой») 28 декабря 1897 года в семье крестьянина-бедняка... Деревня наша была большая, лежала на большаке, ведущем из Котельнича в город Великий Устюг. По этому большаку непрерывно в оба конца, в особенности зимой, ходили длинные обозы с хлебом в глубь страны и с водкой для всех казенков в обратную сторону. Вот этот оживленный тракт в значительной степени и определял жизнь нашей деревни», — вспоминал Конев. Будущий маршал мать потерял в младенчестве и воспитывался у тетки. В свое время не избежал упреков — со стороны особо бдительных граждан — в кулацком прошлом деда Ивана, но серьезного влияния на судьбу полководца те разбирательства не оказали.

С юности пристрастился к чтению. Приходскую школу окончил с похвальным листом, к которому учитель приложил от себя книжечку Гоголя «Ревизор» с воодушевляющей надписью: «За выдающиеся успехи и примерное поведение». Так на всю жизнь и остался завзятый «книжником», к тому же человеком крепким, терпеливым, умеющим учиться, привычным к крестьянскому труду.

На фронт Первой мировой попал в 1916-м, когда в солдатских массах патриотическое отношение к вой-

не заметно поколебалось. Большевиком стал в начале Гражданской. Служил комиссаром бронепоезда «Грозный», с которым «на Тихом океане свой закончили поход». Журналисты поговаривали, что комиссарский дух он сохранил и в свои маршальские годы.

Одним из летописцев полководца являлся Борис Полевой. В его книге немало тонких наблюдений: «А между тем лицо Конева спокойно... И вот опять из-за канала послали очередь, где-то у самых ног маршала цвиркнула пуля и, взвизгнув, отрикошетила, или, как говорят солдаты, ушла за молоком. Он только посмотрел в ее сторону и продолжал телефонный разговор с командармом Лелюшенко...»

Пережив «Тайфун»

Горечи первых лет Великой Отечественной вкусил сполна. В начале октября 41-го Западный фронт, которым командовал генерал-полковник Конев, попал в катастрофическую ситуацию — вместе с Резервным фронтом маршала Буденного и с Брянским фронтом генерал-полковника Еременко. Группа армий «Центр» рвалась к Москве. 7 октября немецкие танки окружили Вязьму. Операция по захвату Москвы «Тайфун» начиналась успешно для интервентов и трагически для Красной армии. В окружение попала большая часть наших войск, и на фоне огромных потерь от Верховного ждали самых суровых решений.

В штаб Западного фронта 10 октября прибыла комиссия Государственного комитета обороны во главе с Молотовым и Ворошиловым. После трудной беседы с Коневым и консультаций со Сталиным созрело решение объединить силы двух фронтов и передать командование Жукову. Иван Степанович приступил к обязанностям его заместителя.

Тут будет, пожалуй, нелишним обратиться к одной из легенд, не имеющей документального подтверждения. За несколько дней до краха Сталин, выслушав телефонный отчет Конева о тяжелом положении, обратился к генералу со странным монологом: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам». Если

Генерал-полковник И. Конев. 1943

ФОТО: ПЕТР ВЕРНШТЕЙН/РИА НОВОСТИ

ПОЛКОВОДЦЫ

поверить в подлинность приведенной реплики, то в ней, безусловно, кроется главная мука тех дней — поиск причины поражений. Стало ясно: дело не в предательстве, не в головоуятистве отдельных генералов, а в стратегическом просчете. И Верховный определял его так: «Я слишком доверился кавалеристам». Он знал, что Конев — из артиллерии, а значит, имел в виду скорее всего Буденного, Ворошилова. Методы Первой мировой к тому моменту безнадежно устарели, требовалась новая стратегия и тактика. И здесь руководитель страны полагался в том числе и на неуступчивого генерала, чей фронт терпел фиаско в начале октября 41-го.

Полководческий талант Конева особенно ярко проявился в наступлении. С 20 октября 1943-го генерал армии — командующий 2-м Украинским фронтом, коему было суждено сыграть решающую роль в освободительной кампании 44-го года.

Котел для Манштейна

Корсунь-Шевченковскую операцию, когда впервые после великой битвы на Волге оказалась окружена и разгромлена крупная группировка неприятеля, называют «Сталинградом на Днепре». Там Конев переиграл фельдмаршала Манштейна. Внезапность наступления обеспечивалась тем, что проходило оно оттепельной зимой и ранней весной 1944-го, в условиях распутицы и крайнего бездорожья. Манштейн не ожидал, что в такую непогоду кто-то решится атаковать. Здорово помогли нашим войскам оперативная маскировка основного удара и демонстрация сосредоточения сил на второстепенном направлении. Все прошло почти безукоризненно. Перегруппировав силы, Конев нанес неожиданно мощный удар по врагу.

В своих мемуарах он рассказывал: «Грунтовые дороги не выдерживали никакой критики. Местами даже на волах было невозможно

ФОТО: ЯКОВ ХАЛИП/РИА НОВОСТИ

передвигаться... Но даже и плохих дорог, которые войска невероятно размешали своими танками, тягачами, тракторами и машинами, было слишком мало. Особые трудности войска испытывали, когда преодолевали высоты и овраги, которых было в избытке. Не только артиллерия или машины, тягачи с инженерными средствами и с боеприпасами, но даже и танки порой застревали».

Одна из героических страниц операции — кавалерийский прорыв казаков генерала Алексея Селиванова. Кольцо сомкнулось в Звенигородке, 28–29 января. Там встретились передовые танки, а затем и бойцы двух фронтов.

В результате в окружение попало около 80 тысяч немцев, а с ними — более 230 танков и штурмовых орудий. Против Красной армии действовали 14 дивизий, из них восемь танковых, одна из которых носила имя Адольфа Гитлера. Манштейн не раз пытался прорваться, но путь ему преградили 5-я танковая армия генерала Павла Ротмистрова и артиллеристы генерал-лейтенанта Николая Фомина. Немцы продолжали ожесточенное сопротивление, бои шли непрерывно.

8 февраля гитлеровцы получили ультиматум: «...Все ваши надежды на спасение напрасны... Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или любую другую страну по личному желанию военнопленных...

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь...

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через ваших личных представителей, которым надлежит ехать легкой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблев и Хировка...»

Гитлеровские генералы предложение отклонили и предприняли новую попытку прорыва. На одном из участков немцам почти удалось достичь успеха. Между окруженными и войсками Манштейна, шедшими на подмогу, оставалось всего лишь 12 километров. Возникла угроза срыва операции.

12 февраля Коневу позвонил Верховный главнокомандующий, не скрывавший тревоги. «Мы на весь мир объявили, что группировка

окружена, а они прорывают кольцо». Ответ Ивана Степановича вселял уверенность в победе: «Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно». «Это вы сделали по своей инициативе?» — последовал вопрос. Конев подтвердил. Когда Верховный предложил ему взять под свое командование 27-ю армию 1-го Украинского фронта, генерал отказался и снова сумел толково объяснить собственную точку зрения.

Может быть, именно тогда Сталин окончательно поверил в Конева.

18 февраля Москва салютовала красноармейцам-победителям. Разгром корсунь-шевченковской группировки армии «Юг» означал освобождение Правобережной Украины.

Спаситель Мадонны

Маршальские погоны стали достойной наградой блистательному полководцу. В придачу он попросил прислать ему московских маковых сушек, которые любил погрызть.

В разговоре с ним Сталин предложил ввести новое звание — маршала бронетанковых войск. К этому решению подтолкнула стойкость армии Ротмистрова. Конев радовался за генерала-танкиста, примерявшего маршальские погоны, как за себя самого. Отметили награды на скорую руку: не было времени на отдых. Фронту предстояло без промедления начать следующую операцию.

Самое рискованное свое решение Иван Степанович связывал с ключевым моментом боев на Западной Украине. Немцы пытались прикрыть фланговыми ударами узкий шестикилометровый коридор, через который можно было взломать их позиции. Конев рискнул бросить в ограниченное пространство 3-ю гвардейскую танковую армию генерала Павла Рыбалко, с ним маршал досконально разобрал ситуацию на ящике с песком. Танки прорвались в глубину обороны противника, что и определило исход битвы. Наши войска заняли Львов и вышли на западный берег Вислы, на Сандомирский плацдарм.

А затем последовало освобождение Восточной Европы.

Народный Совет города Кракова на торжественном заседании 23 апреля 1955 года присвоил Коневу звание почетного жителя города. В 1987-м году поляки воздвигнут ему внушительный памятник: бронзовый маршал в широкой шинели смотрит на старинный город, разрушение которого смог предотвратить. Но недолго простоит этот монумент на краковской земле.

9 января 1991 года, на волне десоветизации, с ним варварски расправятся, а после демонтажа он окажется в Кирове. Конев ни от кого не ждал благодарности, хотя за Польшу, конечно, стыдно.

27 января 1945 года его войска освободили Освенцим. Около семи тысяч истощенных, полуживых узников получили долгожданное избавление от мучений.

Дрезден — после невиданной по масштабу и бессмысленности англо-американской бомбардировки — встречал Красную армию руинами. Сокровища Дрезденской галереи немцы загодя спрятали в каменоломнях. Приходилось разыскивать экспонаты поштучно. Многие картины оказались в плачевном состоянии, в том числе «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Об этом не без юмора рассказал Борис Полевой: «Любуясь «Сикстинской мадонной», которая как бы шагала по облакам в голубом сиянии небес, прижимая к груди очаровательного малыша, маршал пришел к неожиданному решению:

— Знаете что, отберите десять наиболее ценных полотен, я их отправлю в Москву для немедленной реставрации. Самолетом.

Эта мысль, к его удивлению, повергла искусствоведа Наталью Соколову в совершенный ужас.

— «Сикстинскую мадонну» самолетом? Бог с вами, товарищ командующий. А если самолет упадет?

— Это отличный самолет. Мой самолет. Опытнейший экипаж. Во фронтовой зоне дадим воздушную охрану. Я сам на этом самолете летаю.

— Но вы же маршал, а она мадонна, — совершенно искренне произнесла Соколова.

Маршал рассмеялся:

— Что верно, то верно. Разница кое-какая есть».

Разговор этот стал достоянием штаба. Отныне, когда речь заходила о каком-либо невыполнимом поручении, разводя руками отвечали: «Я же маршал, а не мадонна».

Предстояли последние грандиозные операции Великой Отечественной — Берлинская и Пражская. Конев оказался в первой тройке маршалов, решивших судьбу Европы весной 1945-го.

Иван Степанович участвовал во многих ключевых событиях послевоенного времени, с которых до сих пор не снят гриф «секретно»: устранение Лаврентия Берии и будапештский кризис 1956 года, противостояние в Берлине в 1961-м. Его мемуары — «Записки командующего фронтом» — не пестрят сенсациями. Это основательная книга о войне, профессиональном пути военачальника. Недаром она стала обязательным чтением для офицеров.

Он был настоящим героем XX века — бывший крестьянин, надевший маршальские погоны, во всем последовательный, целеустремленный, аккуратный. Такого не сломаешь, не согнешь, закалка что надо — наша, русская, победная.

Рожденные в СССР

Исчезнувшая империя

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШУСТОВ/РИА НОВОСТИ

95 лет назад, за два дня до наступления 1923 года, I Всесоюзный съезд Советов провозгласил создание Союза Советских Социалистических Республик. В это время большевистское государство предпринимало ради самосохранения невероятные усилия по преодолению разрухи и голода, порожденных революциями и Гражданской войной. Проводило новую экономическую политику (НЭП), активно боролось с явными и потенциальными идейными противниками, выдворяя за пределы страны лучших представителей отечественной гуманитарной интеллигенции...

Впереди у Советского Союза была жизнь длиной в 69 лет. А распалось это государственное образование тоже в декабре, в 1991-м, в результате пресловутого «беловежского стовора». Как следует относиться к прежнему периоду нашей истории? Что Российская Федерация унаследовала от СССР? Отвечают авторитетные эксперты, всесторонне осмыслившие многое из того, что происходило с нашей страной в XX веке.

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТЯКОВ/РИА НОВОСТИ

Юрий Кублановский,
поэт, публицист, критик,
искусствовед (резидент,
в 1980-е вынужденно пребывал
за границей):

— Как это ни удивительно на первый взгляд, несмотря на строгие цензурные ограничения, культура высочайшего, мирового уровня в Советском Союзе все-таки состоялась. Здесь творили Шостакович и вернувшийся на Родину Прокофьев, выступали гениальные музыканты, трудились над своими произведениями выдающиеся поэты и писатели. После Октября 1917-го потери были огромны, и тем не ме-

нее в стране сформировался большой культурный стиль.

Еще будучи 18–20-летним, когда, к примеру, Мандельштам и Ходасевич печатались лишь в самиздате, на листах тончайшей папиросной бумаги, я мечтал о том, чтобы через болото кондового, чрезвычайно идеологизированного советского стихотворчества перебросить мостик в Серебряный век, потом — в изящную литературу XIX столетия. Однако постепенно, ознакомившись с поздними сочинениями Пастернака, Ахматовой, Заболоцкого и других замечательных авторов, пришел к выводу: многое из того, что мы называли советской поэзией, таковой, по сути, не являлось. Это — надсоветская, вневременная литература, которая продолжает русские духовные традиции и наполнена высоким религиозным смыслом. Его, этот смысл, не смогли убить или даже нивелировать никакие «кодексы строителей коммунизма».

К церкви Советская власть никогда хорошо не относилась, а на заре своей государственности обрушила на нее такие гонения, какие не снились и римлянам в дохристианские времена. Одна-

ко в разные периоды нашей истории проявляла к верующим и священнослужителям известную терпимость. Спасибо и на этом, как говорится. Благодаря тому, что церковная деятельность в Советском Союзе не была искоренена полностью, худо-бедно силами подвижников осуществлялась, мы переживаем теперь настоящий религиозный ренессанс.

Мне в последние годы довелось немало поехать по России, своими глазами наблюдать реалии нашей провинции и в итоге прийти к довольно утешительному для себя выводу: лучшее из того, что есть в русской глубинке, это приходская жизнь. Возрождается религиозное искусство, в частности церковная мозаика, которой в прежние эпохи у нас было крайне мало. Прекрасны современные храмовые фрески...

Что в советские десятилетия совершалось «благодаря», а что «вопреки», — вопрос дискуссионный. Но вряд ли кто-то может оспорить объективный факт: нынешняя российская действительность — прямое следствие тех процессов, открытых и глубинных, которые происходили в стране в XX веке.

ФОТО: АЛЬБЕРТ ПУШКАРЕВ/ТАСС

Андрей Фурсов,
директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, кандидат исторических наук:

— Многие из того, что Российская Федерация унаследовала от СССР, позволяет существовать нашей стране в ее нынешних границах до сих пор. Это в первую очередь ядерное оружие, созданное в сталинскую эпоху. Если бы не оно, с нами давно поступили бы так же, как с сербами, ливийцами, иракцами и многими другими «изгоями». Также по наследству от Советского Союза нам досталось место в Совете Безопасности ООН, благодаря чему

Россия до сих пор входит в круг официально признанных сверхдержав, обладает правом вето и возможностью решать глобальные проблемы наряду с Соединенными Штатами. Хотя соотношение экономических и военных сил на данный момент явно не то, что было во времена холодной войны.

Что бы ни говорили о российской системе образования, она до сих пор сохраняет некоторые основные черты прежней, советской. Ее вот уже много лет уничтожают на деньги МВФ, но пока это западным цивилизаторам не удалось, ибо фундамент системы большевики в свое время взяли у классического русского, прежде всего гимназического, образования.

Как это ни парадоксально, страну по-прежнему держит на своих плечах советский человек. Ключевые позиции в нашем социуме по сей день занимают, формально или неформально, люди 1950-х и 1960-х годов рождения. Их социализация прошла во времена СССР, и трудно предположить, что будет с государством и обществом, когда люди старой закалки перестанут играть первые роли. Мы живем во многом благодаря заделу тридцати-сорокалетней давности, и эти

запасы вот-вот закончатся. А постсоветское общество, на мой взгляд, это результат деградации позднесоветского. От позднего Союза мы унаследовали и чиновничество — в его самых неприглядных ипостасях. Причем пропорция госслужащих по отношению к населению выросла в три раза, и в отличие от советского нынешний чиновник гораздо более безответственен. У него нет партбилета в кармане, его не могут вызвать на партсобрание, пригрозить исключением из партии, что в прежние времена фактически означало завершение карьеры. Показатели коррупции, даже те, о которых нам сообщают СМИ, зашкаливают, поражают воображение. Она существовала задолго до распада СССР, но сравнивать тогдашнюю с нынешней едва ли возможно.

Нам необходимо больше и лучше учить уроки прошлого, побыстрее преодолевать колоссальное имущественное неравенство, глубже осмысливать не только исторический опыт Октября, но и причины поражения Советского Союза в холодной войне, разрушения тогдашнего социального уклада. В противном случае велика вероятность новых крупных социальных неурядиц и потрясений.

ФОТО: КИНОСТУДИЯ ИМ. ГОРЬКОГО ИТАР-ТАСС

«Добровольцы». 1958

Я все смогу, я клятвы не нарушу

Об СССР проще и удобнее всего размышлять, обращаясь к кинематографу. Фильмы индустриальной эпохи дают зримый, достоверный эквивалент коллективной психической жизни. Это касается как осознанных обществом мифологем, так и вытесненных конъюнктурами образов. Пересмотр классических и второстепенных советских лент убеждает: многие из них прежде были проинтерпретированы своекорыстно, предвзято, как минимум неточно — и рупорами прежней идеологической машины, и голосами антисоветской прослойки. Кино — по определению — эмоционально цепляет, завораживает, мистифицирует. Но на большой временной дистанции абстрагироваться от эмоций проще.

Николай Ирин

ВАЖНЕЙШЕЕ из искусств предполагалось использовать для формирования качественно нового человека. На первый взгляд может показаться, что ранний советский кинематограф только и делал, что штамповал бойцов пропагандистского фронта, беззаветных мечтателей, мучеников идеи. Парадокс, однако, в том, что в первые десятилетия существования Советского Союза кино если и прибегало к гиперболам, то лишь для того, чтобы более выпукло и ярко продемонстрировать уже существовавшее положение дел. «Людей беззаветной и зачастую иррациональной веры», с которыми теперь принято идентифицировать разрушителей старого порядка и строителей нового мира, там фактически нет.

Большевики были люди по большей части трезвые. Прорабы и каменщики, обеспечивавшие под их контролем идеологическое строительство, — тоже. Превыше всего ценились безукоризненная точность социально-политического анализа, эмоциональная вовлеченность в текущий момент, а не пустопорожние мечтания. Даже героические трикстеры, вроде Максима или Чапая, оставались в рамках поэтики реализма. Их эксцентричные проявления, поступки были обусловлены простецким происхождением, но не экзальтацией могучего разума. У Ленина из знаменитой диалогии Михаила Ромма также не нашлось ни времени, ни лишних сил на то, чтобы культивировать особого рода веру. Технократы, они даже и под видом мечтательного прожектерства не были замечены в каком-либо богоискательстве.

Исключение из правила — лента Абрама Роома «Строгий юноша»

«Бумбараш». 1972

(1936) по сценарию Юрия Олеси, где представлена причудливая картина далекого и успешного бесклассового будущего. Там люди различаются лишь по степени талантливости. Но, главное, они научились справляться с иррациональными влечениями, если, допустим, следование голосу сердца грозит проблемами ближнему.

«Молодой юноша увлечен женщиной, которая замужем за большим ученым. Женщина еще не любит его, но она должна его любить. Это видно из их встреч, из их показа на экране. Конфликт назревает. Но если в «Евгении Онегине» Татьяна Ларина отказывает Онегину, которого она любит, потому что она считает верность мужу своим долгом, то в сценарии Юрия Олеси любящий отказывается от любимой, потому что он строг к себе, он не хочет разбить счастье большого человека. Это очень парадоксальная картина, и надо было быть большим мастером, чтобы разрешение конфликта казалось не только возможным, но и должным. Человек отвечает не только за себя, но и за других», — писал впоследствии об этом фильме Виктор Шкловский.

В 20–30-е жить оказалось крайне непросто, многим и вовсе невыносимо, поэтому опыт Олеси — Ро-

ома был в своем роде уникальным. На экран фильм не выпустили: никому, кроме талантливых, но в то же время «элитарных» авторов-экспериментаторов, победа над чувствами не виделась чрезвычайно важной. Что же касается «ответственности за других», то она реализовывалась в трудовых и, чуть позднее, боевых массовых порывах. Свое коллективное тело было не только у колхозников и недавних крестьян, переместившихся в города, но и у советской (а равно антисоветской) интеллигенции. Социальная образность тем не менее еще не сформировалась.

Она появится в 50-е, и не от того, что умрет Сталин, а партия одумается и обновится, а потому, что будет построена социально-экономическая база социализма. Иначе говоря, образуется значительный в количественном плане «средний класс», который, лелея мечту о славном, исполненном высоких идеалов будущем, предается думам-воспоминаниям о героическом, перенасыщенном болью и страданиями прошлом.

Кинематограф доказывает: миф о человеке нового типа в полной мере овладел умами как раз в эпоху оттепели. Более-менее сытый, годами не выходящий из зоны относительного преуспевания, интеллигент-

ный, рефлектирующий, а проще говоря, совестливый человек способен методично и продуктивно фантазировать на тему преодоления себя — ценой утраты того самого, минимально необходимого комфорта.

«**Павел Корчагин**» Александра Алова и Владимира Наумова, «**Коммунист**» Евгения Габриловича и Юлия Райзмана, «**Неотправленное письмо**» Михаила Калатозова показывают во многом обобщенного, могучего духом индивида, который жертвует личным благополучием, семейным счастьем, здоровьем и самой жизнью. Несколько особняком тут идут великолепные «**Добровольцы**» Юрия Егорова, но принципиальное отличие, пожалуй, лишь в том, что образ светлой и невероятно сильной личности виртуозно делится на несколько частей, образующих при слиянии колоссальный монолит.

Подобный античному титану, Евгений Урбанский раскидывает в «Коммунисте» навалившихся на него врагов, принимает в себя несколько пуль, но даже после этого падение наземь и смерть героя кажутся совершенно необязательными. Очень интересный феномен: умные, изобретательные художники опрокидывают свое благополучное состояние в прошлое, затайливо скрещивая уверенность и силу дня сегодняшнего с былыми опасностями, страхами и невзгодами.

Социалистический (чаще — попросту, без прикрас, трагический) реализм советского кино сменяется ярко выраженным романтизмом. «Комиссары в пыльных шлемах» — это актуализация идеала героического рыцарства. До предела доводит идею аскетического служения Николай Мащенко. В 1969-м он выпускает на студии имени Довженко удивительную картину «**Комиссары**», черно-белый парафраз на тему евангельской аскезы. В 1921 году, вскоре после введения НЭПа, несколько десятков служащих политотделов собираются на трехмесячные курсы, где ведут напряженные

дискуссии о смысле классовой борьбы, в то время как бандиты с белогвардейцами планируют превратить ближайший комиссарский бал в ночь расправы над большевиками.

Впрочем, что значит «бал»? Мащенко убирает малейшие намеки на жанр, будь то мелодрама или революционный экшн. Он добивается экзистенциальной чистоты: люди здесь имеют смысл лишь постольку, поскольку их души оскрашены Идеей. На экране будто бы не тела, а едва материализовавшаяся внутренняя сущность. Бал же, скорее, соответствует Тайной Вечере. Константин Степанков исполняет роль Федора Лобачева (Комиссара Комиссаров, как зовут его товарищи), словно уподобляясь в глубине сознания Христу. Иван Миколайчук играет Григория Громова как вечно сомневающегося, многократно отрекающегося, однако склонного возвращаться к товарищам и идее служения апостола Петра. Наконец, Леонид Бакштаев показывает своего Дегтярева в полном соответствии с каноническим образом Иуды. Есть тут даже Мария Магдалина, хотя и совсем «пунктирная».

Диалоги не то чтобы высокоумные, скорее наоборот: «Это конец...» — «Нет, это начало великой борьбы против мрака!..» — «Стоять насмерть за нашу чистоту, за революцию в душах людей...» — «О, в душах это великое дело. Хватило сил, мудрости не хватает».

К концу 60-х становится ясно: напряжения сил и самопожертвования, которыми увековечивали себя атлеты рубежа 50–60-х, уже недостаточно. Комиссар Комиссаров так и формулирует: «Борьба за Революцию только начинается. Она будет сегодня, завтра, вечно, пока будет жизнь на земле!» Революция понимается у Мащенко не как совокупность акций по захвату политической власти (если угодно, «престола»), а в качестве внутреннего озарения-перерождения. Комиссарам, коих уничтожить так и не удалось, «Иуда», в свою очередь, бросает: «А вы, прекрасные

мужики! Завидую вашей вере, фанатизму и мужеству. Но вы тоже погубили Россию. Погубили».

Впоследствии Николай Мащенко еще как минимум раз поднимется на ту же высоту: через несколько лет снимет по сценарию Алова и Наумова легендарную шестисерийную ленту **«Как закалялась сталь»** с Владимиром Конкиным в главной роли и Константином Степанковым в образе матроса Жухрая.

Замечательную песню Игоря Шамо и Роберта Рождественского **«Товарищ Время»** Павка Корчагин поет под баян. И хотя этот музыкальный инструмент наличествует и в книге Николая Островского, манера игры и ее энергетика, звучание с характерными переливами кому-то наверняка напомнят органную мессу. Как на большом метраже и реалистичном материале постановщик умудряется сохранять неослабевающую мощь метафизического напряжения — загадка. Владимир Конкин, подобно актерам фильма **«Комиссары»**, предъясвляет не столько телесную оболочку, сколько взыскующую высшего идеала душу аскета-праведника. Комсомолец Корчагин, отчасти придуманный Островским, отчасти списанный им с себя, производит ошеломляющее впечатление, распространяя вокруг ауру святости.

У нас есть немало выдающихся картин, где центральный персонаж, олицетворяющий советскую мечту о новом человеке, тяготеет к тому или иному онтологическому полюсу. Здесь и **«Первый учитель»** Андрея Кончаловского, и **«Служили два товарища»** Евгения Карелова, и **«Красная площадь»** Василия Ордынского, и **«Гори, гори, моя звезда»** Александра Митты, и **«Шестое июля»** Юлия Карасика, и **«Свой среди чужих, чужой среди своих»** Никиты Михалкова...

В фильме Ильи Олшвангера **«На одной планете»** Иннокентий Смоктуновский в неожиданной манере играет Ленина. Это невероятно умная личность, совсем непохожая на Ильича от Щукина или Штрауха, человек, который словно провидит все ходы врагов революции и любые препятствия на ее пути, ничего не боится, полностью контролирует ход событий. Переживает лишь о том, что время ему все-таки неподвластно: «У нас все есть... Только бы скорее разорвать обруч, которым нас душат. Кажется, тысячу раз отдал бы жизнь... Только бы скорее!» Этот Ленин не надеется, даже не борется, он — знает. Его вера тождественна безупречной прозорливости.

На другом полюсе — персонажи, изначально склонные к тому, чтобы истово верить, однако в силу происхождения и воспитания не особо развитые, как сказали бы сейчас, не сильно продвинутые. Таков Бумбараш Валерия Золотухина — из одноименной

«Неотправленное письмо». 1960

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Гори, гори, моя звезда». 1970

«Служили два товарища». 1968

ФОТО: РИА НОВОСТИ

картины Абрама Народицкого и Николая Рашеева — с его музыкальной притчей: «Ничего, ничего, ничего, сабля, пуля, штыки — все равно!» В чем-то явно похожи и бесшабашные Бумбарашевы потомки — горожане, ученики ШРМ из нестарейшего фильма Алексея Коренева **«Большая перемена»**: «А я всего

«Свой среди чужих, чужой среди своих». 1974

«Начало». 1970

один из вас, меня зовут, меня зовут Рабочий Класс!» Вечерняя учеба этих ребят — метафора внутреннего взросления. То, что «Большая перемена», вызывавшая брезгливое «фи» со стороны советских интеллектуалов брежневской поры, теперь получила второе рождение и буквально не сходит с телеэкранов, свидетельствует: за фасадом юмора и гротеска прячется неистребимая воля коллективного народного тела к качественному развитию.

Наконец, нельзя не вспомнить три первые картины Глеба Панфилова. Они прослеживают жизнь Советской страны на примере женщины-протагониста. Сыгравшая Таню Тёткину, Пашу Строганову и Елизавету Уварову, Инна Чурикова выполняет объединительную функцию для трех судеб. В сущности, актриса показывает единственный путь, три его последовательных этапа.

Таня из фильма «В огне брода нет» — богато одаренная натура, широкая душа с невероятной интуицией — показательно закликает: «Скорее бы всемирная революция. Трудно, бедует народ». Когда белый офицер пытается говорить с ней на своем шибко грамотном наречии, она теряет: «Всеобщая гармония!» — «Что?» — «Благодать!» — «Не понимаю я». Именно Танину веру проверяет тот на прочность, искренне не понимая, отчего сей непросвещенный люд за красных и что там у него внутри.

Паша из «Начала» — та же безродная Таня на новом историческом витке. В конце 60-х она — работница на фабрике. Внезапно девушку берут в кино, исполнять

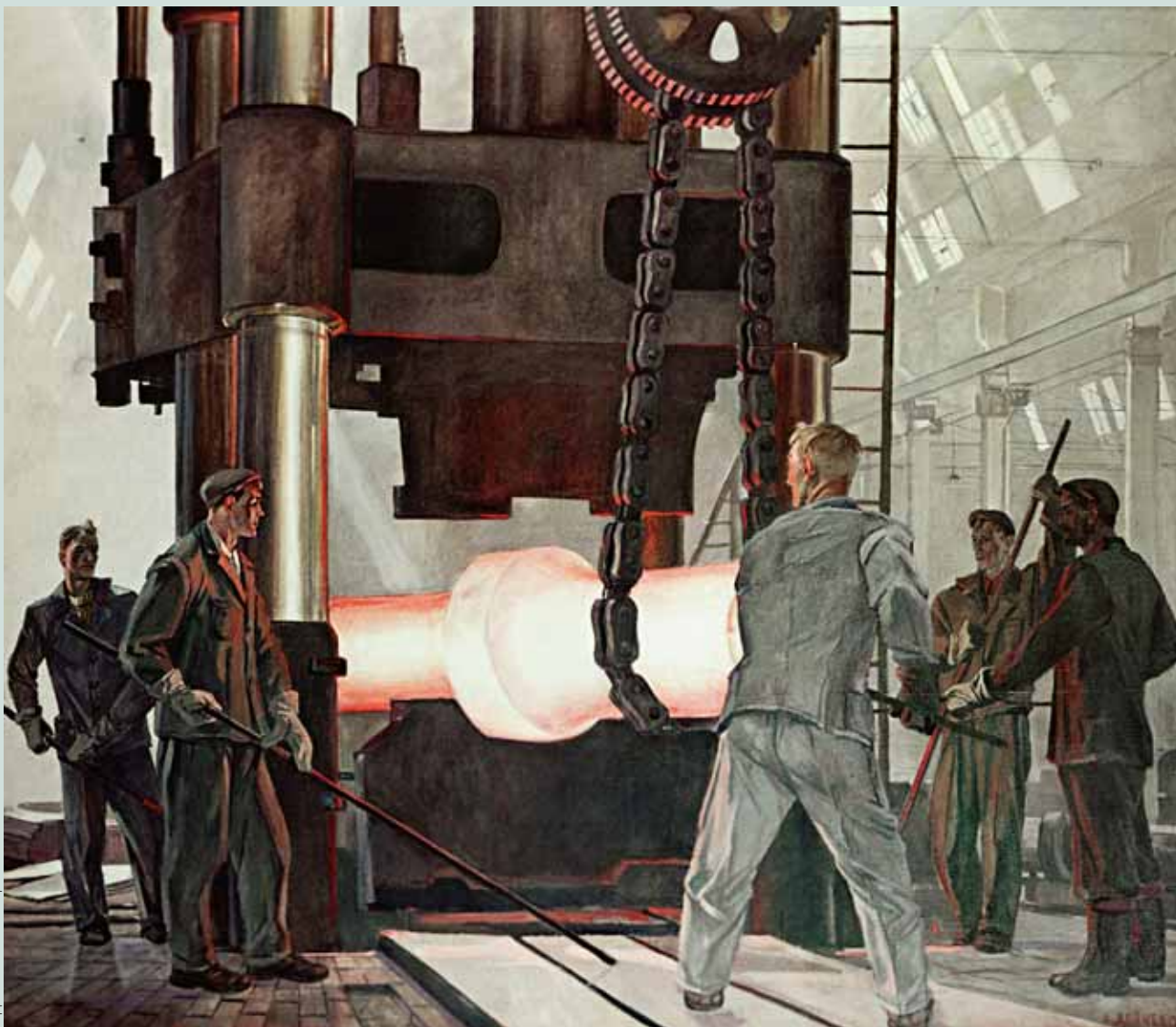
роль Жанны д'Арк. Как и предшественница, с такой же огромной душой нараспашку, являет непреклонность французской героини, веру без берегов. Прежний идеализм никуда не делся, однако в новой, «цивилизованной» обстановке «непосредственность» молодой женщины выражается как-то уж чересчур вызывающе. Паша, не моргнув глазом, уводит из семьи легкомысленного Аркадия. Диагноз тяжелый: идеализм, перечеркивающий всякую реальность.

Елизавета из «Прошу слова» — третья стадия развития неизменной чуриковской героини. Теперь она замужем, с двумя детьми и при серьезном деле. Становится председателем горисполкома, а болезнь-то прежняя: никак не может совместить внутреннее горение с внешними обстоятельствами. Гибнет сын (отчасти по ее вине), она же продолжает сгорать во имя общего дела. Хотя этого самого общего теперь уже как бы и нет. Острые вопросы быта, а тем паче войны на выживание, не стоят. Базовая задача всякого человека ограничена личным развитием в кругу себе подобных. Ну а если кто и желает углубиться внутрь себя, то пусть делает это не в ущерб окружающим. Эту главную проблему общественного бытия (проблему выхода из духовного тупика) советская система, судя по всему тому, что с нею случилось, решить не смогла.

Кинематограф СССР подобен достоверной летописи глубинных процессов, происходивших в коллективной психике. Иногда яростный, временами планомерно-поступательный порыв к Идеалу материализовался в притягательных и волнующих экранных образах. Они утратили свое обаяние лишь на то короткое время, пока были изъяты из культурного оборота. Теперь, когда технологическое развитие сделало доступными любые, даже подзабытые или в свое время недооцененные ленты, обнаружилось, что современные зрители легко отделяют пропагандистскую шелуху от произведений, в которых революционная романтика или пафос строителей нового мира превосходят социальную прагматику и узкопартийную догму.

Образность лучших картин настолько убедительна, что не остается сомнений в подлинности духовного стержня наших людей и в жизнестроительной силе наших идеалов. Идеалы эти, было время, осмеивались и ошельмовывались, а ведь именно они спасли страну от хаоса, а народ от рассеяния. Все было незря: и советские люди, и мастера экрана проделали необходимую работу вовремя и на совесть. Наступил черед для усилий иного рода. И пора бы уже взглянуть на советское прошлое без сожалений и упреков, с пониманием и сдержанным пиететом.

Уходящая натура

А. ДЕЙНЕКА. «КУЗНЕЦЫ». 1957

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БАБУШКИН/РИА НОВОСТИ

Время сильных

Марина Иванова

Советские художники стремились подарить миру такого героя, который ни в чем не похож на изломанных, декадентских персонажей модерна. Его отличают отменное здоровье и физическое совершенство, сильный дух и доброе сердце. Новый человек должен превосходить носителя старого порядка по всем параметрам.

Т. САЛАХОВ. «С ВАХТЪ» 1957

ФОТО: ОЛЕГИГНАТОВИЧУРИА НОВОСТИ

А. САМОХВАЛОВ. «ДЕВУШКА В ФУТБОЛКЕ», 1932

ФОТО: В. БАБАЙЛОВ/РИА НОВОСТИ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ в годы формирования искусства СССР — в 1920-е и 1930-е — стала тема спорта. Не особо популярные в XIX веке физические упражнения стремительно вошли в моду, а выносливость и закалка оказались в числе наиболее востребованных качеств. Творцы ориентировались на античность. В образе нового человека смыкались передовые направления этики и эстетики, в качестве идеала эпохи рассматривалась внутренне и внешне развитая личность. В известной мере этот подход отсылает к представлению древних греков о калокагетии — идеальной взаимосвязи телесного и духовного совершенства.

Подчеркнутая неутилитарность спорта приближала его к искусству и закономерно очаровала многих живописцев, скульпторов, графиков, иллюстраторов. Сила и грация движений атлетов, красота человеческого тела находят замечательное отражение в произведениях Александра Самохвалова, автора не только

А. ДЕЙНЕКА. «ПОКОРИТЕЛИ КОСМОСА», 1960

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В. НЕСТЕРОВ. «СЛУШАЕМ КОСМОС». 1970-Е

знаменитой «Девушки в футболке» (1932), но и масштабной картины «На стадионе» (1934–1935). Рисуя состязания, он подчеркивает героизм, делает акцент на преодолении слабости. Аналогичные мотивы обнаруживаются в графике Владимира Лебедева, скульптурах Матвея Манизера, на плакатах Николая Кочергина и много где еще.

Далеко не все используют серьезные интонации. Сергея Лучишкина, к примеру, интересует не трудность борьбы, а радость бытия. Его «Лыжники» (1926) напоминают катающихся по льду персонажей Питера Брейгеля-старшего. Для современников голландца неожиданно суровая зима казалась своего рода приключением. Так и для советских граждан — физическая активность оборачивается приятным и полезным досугом. Важные темы хорошо сформулировал Александр Дейнека: «Спорт имеет одну великолепную особенность: он укладывается в разнообразнейшие рамки искусства. Как тема он неисчерпаем, ибо он демократичен и популярен... Спорт вмещает в себя оттенки ощущения. Он лиричен, он мажорен. В нем много оптимизма. В нем начало героического».

Момент преодоления прослеживается и в работах, посвященных Великой Отечественной. Примером комбинации героики и атле-

С. ГЕРАСИМОВ. «МАТЬ ПАРТИЗАНА». 1943–1950

тизма стала картина Иосифа Серебряного «Партизанский отряд» (1942): художник изобразил физкультурников-лесафтовцев, отправляющихся в тыл врага. В целом военная тематика во многом солидаризировалась с традицией, заложенной мастерами предыдущих поколений. Слово высеченной из камня предстает героиня картины Сергея Герасимова «Мать партизана» (1943–1950), это цельный, законченный образ.

Многие живописцы сами побывали на фронте. Кто-то, как Борис Немский, выступал в роли наблюдателя, другие, подобно старшему из братьев Ткачевых — Сергеем Петровичу или Владимиру Переяславцу, сражались на передовой. Их творчество впитало новый страшный опыт. Отчасти изменился и герой: он отныне не выглядит идеальным, «забронзовевшим». Авторы, опираясь на личные переживания, создают новую вселенную, проникнутую

духом гуманизма. Персонажи — не античные боги, они просто люди, умеющие в нужный момент возвыситься над собой. У Ткачевых новобранцы уходят на фронт тихо, без торжественных маршей. Матушка крестит «некстати» повзрослевших детей, прикрывая рот платком («Сыновья»): страдание и мужество не требуют громких слов. Человек проявляет самые обычные чувства, не чурается сентиментальности, но при этом — в решающий миг — обнаруживает готовность к подвигу. В «Солдатах-отцах» Бориса Немского тема «слезинки ребенка, продолженная в XX веке Евгением Вучетичем («Воин-освободитель»), получает совершенно особое звучание. Центральная фигура — девочка, словно излучающая свет, что отражается на лицах бойцов, по-отечески заботящихся о ней.

В 1960–1970-е творчество обрело космические коннотации. Покорение межпланетных пространств тесно переплелось с мотивом технического прогресса. Новый человек не только был готов к самопожертвованию, он стремился отвечать вызовам времени. Художники чрезвычайно охотно изображали Юрия Гагарина, чей образ служил символом эпохи (Андрей Плотнов, «До свидания, земляне!», 1979). В фокус пристального внимания попадали и гораздо менее известные люди — ученые, инженеры (Владимир Нестеров, «Слушаем космос (Земля слушает)», 1970-е).

Тогда же, в 60-е, на первый план вышли представители сурового стиля. Они преследовали цель очистить искусство от шелухи — чересчур яркого, наносного, конъюнктурного. В их работах получил второе дыхание романтизм 1920-х, представленный, правда, уже в более сдержанном ключе. Главной темой оказался повседневный труд — вкупе с покорением земных пространств. Виктор Попков изобразил строителей Братска (1960), Павел Никонов — геологов (1962), братья Александр и Петр Смоли-

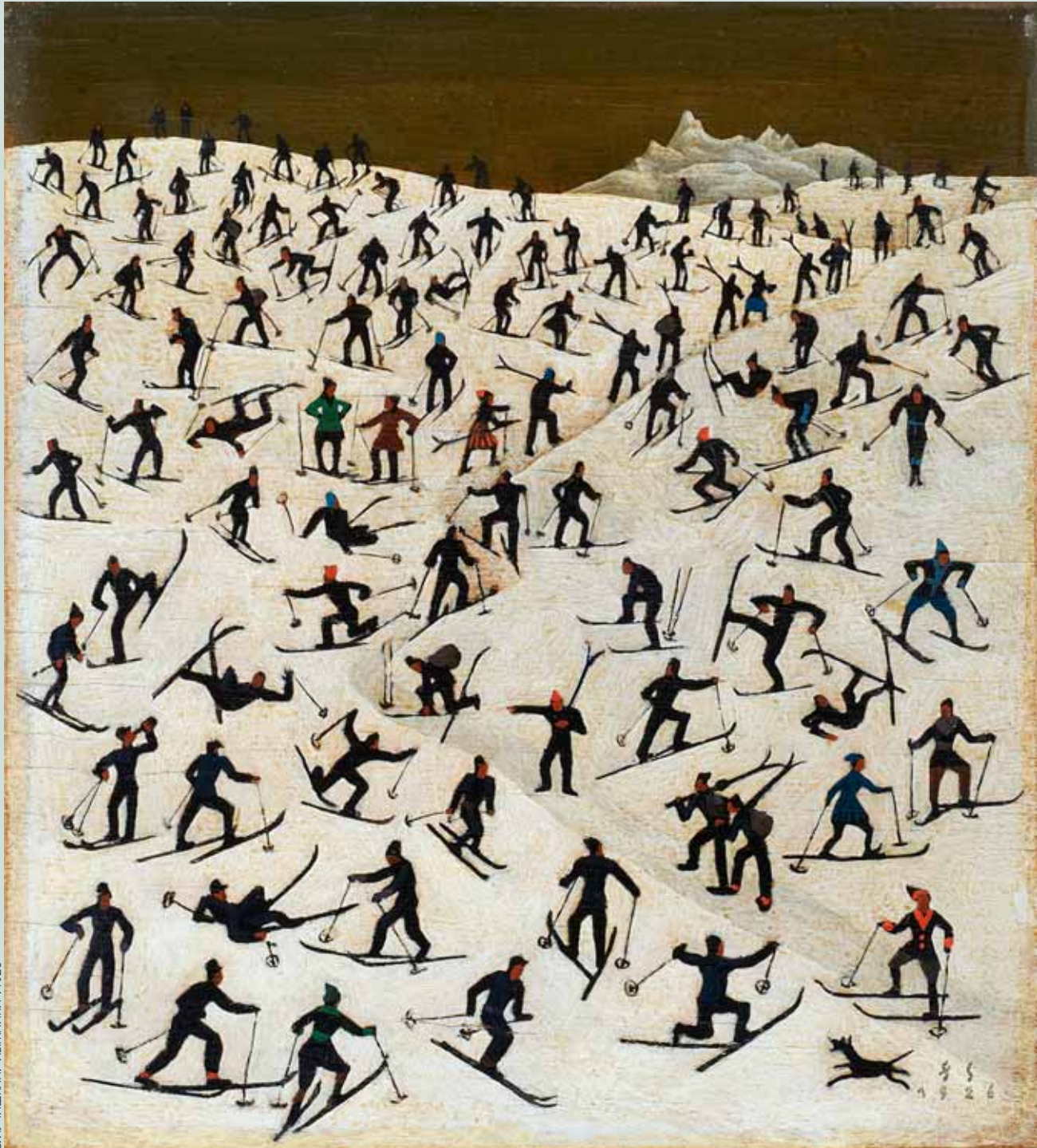
ФОТО: ПЕКУРОВСКИЙ/РИА НОВОСТИ

ны — полярников (1961), Таир Са-
лахов — нефтяников (1967). Здесь
нет эмоций «на разрыв аорты» или
излишних сантиментов: простые
немногословные граждане, при-
выкшие к тяжелой работе, делают
свое дело. Их позы, как правило,
статичны, лишены порыва, харак-
терного для произведений 20-х.

Герой советского искусства с по-
зиции нынешнего дня — крайне
любопытный феномен. Античное
понимание прекрасного тесно пе-
репелось с христианскими моти-
вами (понятыми на атеистический
манер). Прежние авторитеты —
подобно ветхозаветным, наследо-
вавшим первому грешнику Ада-

му — оказались отвергнуты. Мир
создавался с нуля и должен был
оказаться лучше прежнего. Сегодня
очевидно, что псевдорелигиозный
замысел обернулся утопией. Одна-
ко оставил следующим поколениям
имена и картины, которые долго бу-
дут давать пищу для философских
размышлений.

С. ЛУЧИШКИН. «Лыжники», 1926

«Зло над тобою судьба подшутила»

Валерий Бурт

Этому поэту даже по меркам его особой литературной касты выпала чересчур незавидная доля — быстрое угасание и уход из жизни в ранней молодости. Еще печальнее то, что спустя десятилетия восторженная слава сменилась своей противоположностью, за ним не признавали большого дарования, его сочинения находили слишком напыщенными и манерными. Но время изменило взгляды на творчество Семена Надсона, 155-летие со дня рождения которого отмечается в декабре. Ныне он занимает вполне подобающее место в русской литературе.

Музыка счастья и несчастья

При жизни он был чрезвычайно популярен, единственный сборник его стихов издавался в ту пору пятикратно. За него Российская академия наук в 1885-м присудила ему Пушкинскую премию. А всего до 1917 года книга выдержала 29 изданий.

«Поистине, Надсон не может назваться «властителем дум», — рассуждал через 25 лет после его ухода в мир иной Владислав Ходасевич. — И однако — вспомним, какой успех сопровождал его последние выступления, как много слез было пролито над его стихами, с каким увлечением они читались, с каким благоговением произносилось его имя... Гром рукоплесканий сопутствовал Надсону до самой могилы, и неутешный плач разнесся по всей России, когда эта могила была засыпана».

Посмертная слава «юноши-поэта» оказалась даже больше прижизненной. Его наследие стало предметом частых дискуссий литераторов и критиков, облик и привычки Семена Надсона считали своим долгом вспоминать мемуаристы. Согласно одному из таких свидетельств, он был «среднего роста, тщедушный, худенький, с узкими плечами и впалую грудью... по фигуре был типичным нынешним интеллигентом, худокормленным и худосочным... Наружностью своею С.Я. не пренебрегал, и ему даже льстило некоторое сходство с Шекспиром. Чахотка наложила на симпатичное лицо поэта свой отпечаток: бледную синеву и желтизну кожи, горячий блеск глаз и т.п. Кроме чахотки, С.Я. страдал и другими болезнями на общей почве малокровия».

Недуги свели его в могилу, когда ему не исполнилось и двадцати пяти. Печальную традицию русских литераторов умирать в молодые годы кратко и точно выразил впоследствии Дмитрий Мережковский:

Поэты на Руси не любят долго жить:

Они проносятся мгновенным метеором...

Его творчество поразительно изобилует каскадом настроений и чувств, оттенков и состояний. Праздничная легкость, воздушность бытия сменяются тяжестью печальной, болезненной обыденности, светозарные,

наполненные радужным многоцветьем картинки вдруг уступают место и время мраку ночи. Но властвует в основном — «нарядная красота»: залив облит серебром, на камнях — жемчужная пена, на пальмах развесистых — зубчатые короны.

Мелодизм его рифм ощутили многие. Романы на стихи Надсона создавали Цезарь Кюи, Александр Гречанинов, Антон Рубинштейн, Антон Аренский и другие. Пронзительное творение Сергея Рахманинова «Мелодия» ценителям жанра памятно словами: «Я б умереть хотел душистою весною / В запущенном саду, в благоуханный день».

Семен Надсон входит в десятку русских поэтов, снявших наибольшую популярность у композиторов, — в одном ряду с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом, Бальмонтом, Блоком.

К слову, поэт и сам серьезно увлекался музыкой, играл на разных инструментах, а более всего почитал скрипку. Больной, он наигрывал, лежа в постели, грустные мелодии на маленькой дудочке, вконец ослабевший и исхудавший, уже не мог, как прежде, перебирать лады и водить смычком.

Людей, хоть в какой-то мере склонных к эмпатии, этот внешне сублимный молодой человек волновал своей жизнью, превратившейся в сгусток боли, танталовыми муками и неистовым мужеством, позволявшими ему творить, несмотря ни на что.

Его рифма звала «отозваться душой, всем, кто ищет и просит участия, всем, кто гибнет в борьбе, кто подавлен нуждой, кто устал от грозы и ненастья». Он возмущался торжеством зла и несправедливости, мечтал об изменениях в мироустройстве, грезил временами, когда «не будет на свете ни слез, ни вражды, ни бескrestных могил, ни рабов, ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды, ни меча, ни позорных столбов».

В пылкии Надсоновы призывы с трепетом вслушивались бунтари, которым был «душен этот мир разврата с его блестящей мишурой». Наверное, нелишне отметить, что поэзией Семена Яковлевича интересовался и Ленин. По словам Надежды Крупской, тот учил его стихи едва ли не наизусть. Ильич в своей статье «За-

С. Надсон

ФОТО: ИТАР-ТАСС

дачи революции» даже процитировал строку из стихотворения Надсона, ставшую позже афоризмом: «Как мало прожито, как много пережито».

Месть графа Жасминова

Пережил стихотворец в отведенный ему срок действительно немало. Крепко доставалось не только от коварной судьбы, но и от людей. Первым в списке его худителей стоял Виктор Буренин — фигура ныне не очень знаменитая, зато весьма заметная в свое время. Как знатоку изящной словесности ему отдавали должное Некрасов, Достоевский, Лев Толстой. Даже Лесков находил в его рецензиях «массу начитанности, остроумия и толковости». Буренин начинал в «Колоколе» Герцена, печатался в журналах «Искра», «Зритель», в «Санкт-Петербургских ведомостях». С 1876-го в течение сорока с лишним лет подвизался в газете «Новое время», прославившись своими, прямо скажем, довольно сильными фельетонами. Многие его публикации приобретали скандальный оттенок. Иван Гончаров видел в Буренине бесцеремонного циника, Николай Лесков говорил, что он «только и делает, что выискивает, чем бы человека обидеть, приписав ему что-либо пошлое». А Влас Дорошевич собственный фельетон об этом насмешнике озаглавил коротко и ясно: «Старый палач».

Весьма едкую словесную карикатуру нарисовал поэт Дмитрий Минаев:

*По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил.*

Надсона Буренин кусал особенно болезненно. Причина столь яростной критики могла быть весьма прозаична. В 1886 году Надсон вел литературные обзоры в киевской газете «Заря». В одной из публикаций имел неосторожность пройтись по статьям некоего графа Жасминова. В частности, заметил, что тому следует

В. Буренин

обратить внимание на собственные сочинения, где «порнография самого низкого качества бьет в глаза с каждой страницы». Зря он это сделал, взорвалась бомба — под цветочным псевдонимом скрывался тот самый Буренин. Жесткая критика вызвала у него взрыв ярости, отныне Надсон стал его злейшим врагом.

Буренин изрядно поиздевался над ним в «Новом времени», не только разбирая творчество поэта, но и заглядывая в его личную жизнь. Не обошел вниманием и болезнь Семена Яковлевича, прозрачно намекнув, что она мнимая и служит-де для достижения меркантильных целей. То была ложь, в отношении умирающего коллеги-литератора — вдвойне непозволительная.

Поэт уже был прикован к постели и вызывал горестные слезы всех, кто был свидетелем его угасания. Статьи недоброжелателя, по мнению очевидцев, ускорили трагический исход.

«Того, что проделал Буренин над умирающим Надсоном, не было ни разу во всей русской печати, — писал Владимир Короленко. — Никто, в свое время читавший эти статьи, не может ни забыть, ни простить их».

Сквозь строй недоброжелателей

Лев Николаевич Толстой плохо отозвался о Надсоне уже после его смерти. Собственно говоря, великий старец удостоил лауреата Пушкинской премии одной лишь репликой, отнюдь не хвалебной, хотя имел в виду не только его: «На моей памяти, за 50 лет, совершилось это поразительное понижение вкуса и здравого смысла читающей публики. Проследить можно это понижение по всем отраслям литературы, но укажу только на некоторые, более заметные и мне знакомые примеры. В русской поэзии, например, после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину».

Гений, конечно, имеет право на любые высказывания, в том числе и на такие нелюбимые. И все же вряд ли упомянутые персоны, по праву считающиеся отечественными классиками, заслужили столь суровые оценки.

Огонь посмертной славы Надсона затухал под ветром перемен медленно, но верно. Экс-молодые люди, прежде восхищавшиеся его стихами, превращались в солидных господ, все больше чуждались страстей, желали спокойствия и размеренности быта. Почитали уже совсем других авторов.

Итак, его стали забывать, а вспомнив, норовили подвергнуть очередному осмеянию. Причем особенно усердствовали не дилетанты, а самые что ни

на есть даровитые стихотворцы. Строки Надсона как-то по-особому резали им слух, казались вздорными, неестественными. Владимир Маяковский, переживший в юные годы увлечение его творчеством, словно заметая следы, вынес вердикт: «Случайный сон — причина пожаров, / На сон не читайте Надсонов, Жаровых!»

Беспощаден был Валерий Брюсов: «Невыработанный и пестрый язык, шаблонные эпитеты, скудный выбор образов, вялость и растянутость речи — вот характерные черты надсоновской поэзии, делающие ее безнадежно отжившей».

Сплеча рубил Николай Гумилев: «Чтобы возбуждать сочувствие, надо говорить о себе суконным языком, как это делал Надсон».

В этот строй встал и Александр Блок, отметивший в «Списке русских авторов»: «Есть поучительнейшие литературные недоразумения, вроде Надсона, нельзя не отдать ему хоть одной страницы». Впрочем, словно спохватившись, позже добавил: «Всякую правду, исповедь, будь она бедна, недолговечна, невсемирна, — правда Глеба Успенского, Надсона, Гаршина и еще меньшие — мы примем с распростертыми объятиями, рано или поздно отдадим им должное».

Красота — страшная сила

При советской власти его хоть и не слишком жаловали, но все же издавали — в малой и большой сериях «Библиотеки поэта». Особого пристрастия (во всех смыслах этого слова) рецензенты к нему не испытывали. Да и странно было бы прославлять в те годы автора стихов, от которых

веет не оптимизмом, помноженным на энтузиазм, а старорежимными тоской и безысходностью.

Впрочем, отыскался тот, кто Надсону известным образом подражал, — Николай Заболоцкий. Некоторые критики считают, что лучшие его романтические стихотворения однозначно навеяны лирикой Надсона. «Конечно, речь идет не о прямых подражаниях, — уточняла исследователь Татьяна Солодова. — Характер дарования, степень художественного мастерства, уровень углубления в философскую проблематику и видение мира у этих поэтов различны. Их близость в некоторых чертах творчества — не недостаток, а достоинство обоих».

А что сейчас? Знакомы ли со стихами «юноши-поэта» современные читатели? «Красота — страшная сила», — давно любят повторять вслед за Фаиной Раневской наши соотечественники. Однако далеко не все знают, что полушутливый афоризм актриса позаимствовала, по сути, у вечно молодого Семена Яковлевича.

*Зло над тобою судьба
подиутила:*

*Острою мыслью
и чуткой душой...*

*Не наделила одним —
красотой...*

*Ах, красота — это
страшная сила!*

Конечно же, у него нет такой армии почитателей, какая была в конце XIX века. И все же люди, ценящие изящную поэзию, не обходят вниманием его творчество. Вдохновенная рифма, блистающая отточенными гранями слов, всегда в чести у настоящих романтиков:

*Захочу — и сверкающий
купол небес*

*Надо мной развернется
в потоках лучей...*

В толпе

Не презирай толпы:

пускай она порою

*Пуста и мелочна, бездушна и слепа,
Но есть мгновенья,*

когда перед тобою

*Не жалкая раба с продажною душою,
А божество — толпа,*

титан — толпа!..

Ты к ней несправедлив:

в часы ее страданий,

Не шел ты к ней страдать....

Певец ее и сын,

Ты убегал ее проклятий и рыданий,

Ты издали любил,

ты чувствовал один!...

Приди же слиться с ней;

не упускай мгновенья,

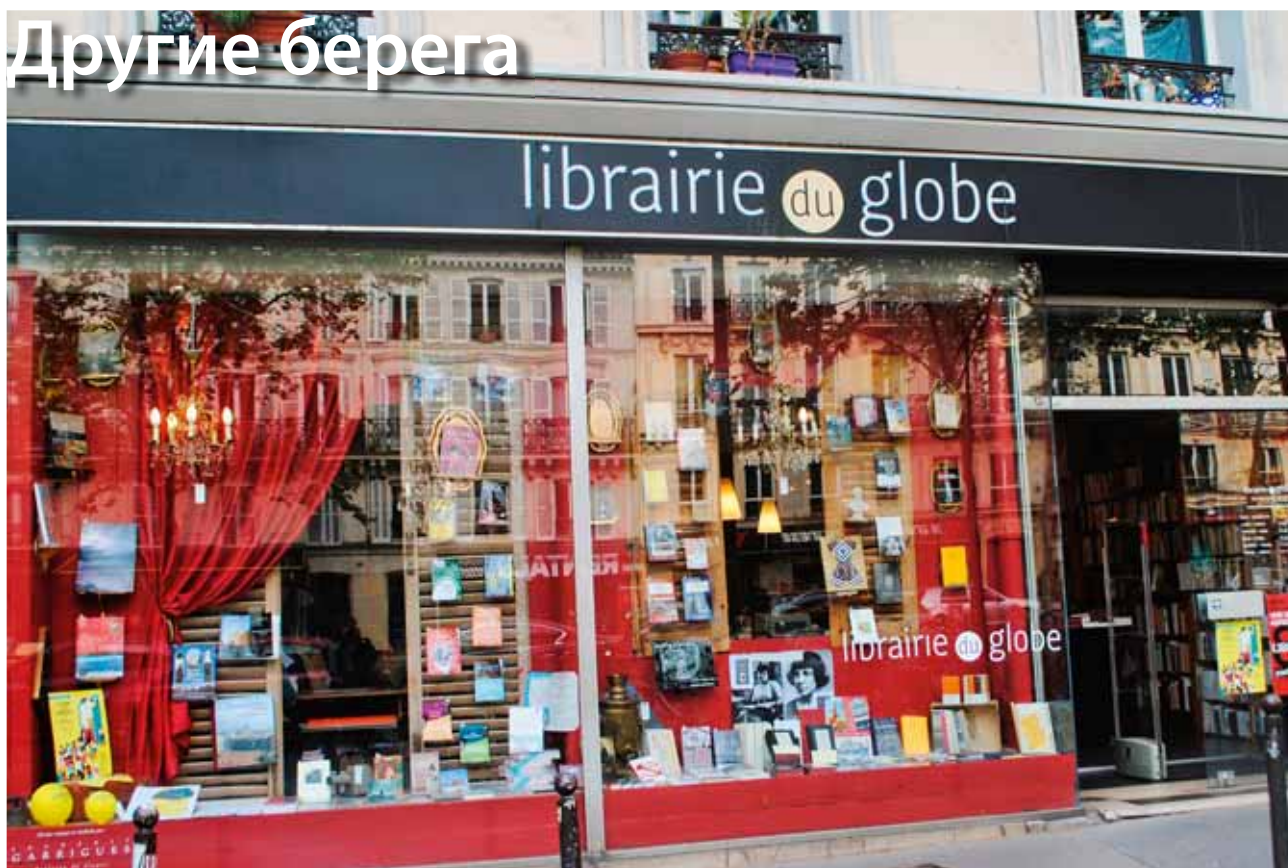
Когда болезненно-отзывчива она,

Когда от пошлых дел

и пошлого забвенья

Утратой тяжкою она потрясена!..

1881

Анн Кольдефи-Фокар:

«Мечтаю перевести на французский «Лето Господне»»

Юрий Коваленко, Париж

Известный переводчик Анн Кольдефи-Фокар выпустила в свет «Маленький каталог революции и контрреволюции: 1917–1927». Кроме того, она участвует в подготовке международной 100-томной «Библиотеки русской литературы», трудится над «Историей русской литературы». «Свой» побывал у нее в гостях.

СВОЙ: *Как идет работа над «Библиотекой...»?*

Кольдефи: Московский Институт перевода выпускает книги XVIII–XXI веков. Проект рассчитан на десять лет. Программа действует в Китае и Соединенных Штатах, тогда как во Франции только стартует — под эгидой Института славянских языков и Сорбонны. Выпуск первых пяти томов приурочен к открытию Парижской книжной ярмарки (конец марта 2018-го), на которую Россия приглашена в качестве почетного гостя. В «Библиотеку» войдут «европейские» сочинения Тургенева — «Степной король Лир», «Фауст», «Гамлет и Дон-Кихот» в новых переводах, стихи и проза Мандельштама, «Повесть о пустяках» Юрия Анненкова и, видимо, «Петербург» Андрея Белого, «Хожение по мукам» Алексея Толстого.

скасть совместно. В ноябре вышел мой «Маленький каталог революции и контрреволюции: 1917–1927». В нем говорится о том, как в Советской России за десять лет изменился мир окружающих предметов и явлений. Одна из статей посвящена посуде: как в деревне на смену деревянной утвари пришла алюминиевая. Любопытно, что тем самым реализовалась одна из мини-утопий Чернышевского. В романе «Что делать?», в «четвертом сне Веры Павловны», говорится о такой посуде — как одном из символов революции и счастья.

СВОЙ: *Как возникла идея создать во Франции «Историю русской литературы»?*

Кольдефи: Мы с коллегой Любой Юргенсон в течение двух лет читали в парижском книжном магазине «Глоб» лекции «Русская литература: разрыв и преемственность». Они и легли в основу «Истории...».

защиты его опубликовали. Последний труд — «Теллурия» Владимира Сорокина. Сейчас вычитываю гранки солженицынского «Красного колеса», над которым мы с коллегами бились более четверти века. Начинали вчетвером, а теперь нас осталось двое.

СВОЙ: *Какие чувства испытываете к своей профессии?*

Кольдефи: Перевод — благодарное занятие. Если не любишь книгу, над которой приходится работать много месяцев или даже лет, то лучше бросить и не мучиться.

СВОЙ: *Чтобы понять автора, надо ощущать себя Гоголем, Достоевским или Пелевиным, лезть в их шкуру?*

Кольдефи: Необходимо отдавать себе отчет в том, что ты не Николай Васильевич и не Федор Михайлович. Твоя задача — передать непередаваемое. Порой книга, ко-

А. Кольдефи-Фокар

СВОЙ: *Вы не только переводите, но и сами пишете?*

Кольдефи: Газета Le Courrier de Russie создает новое издательство. Оно будет выпускать книги на русском и французском. Мне предложили отвечать за редакционную политику. Поскольку у меня есть собственное издательство L'inventaire, которому уже 24 года, мы решили объединить усилия. Некоторые книги станем выпу-

Во все времена писатели, отрицая прошлое, ведут непрерывный диалог, переходящий в спор, со своими предшественниками. В результате образуется цепочка, неразрывная связь.

СВОЙ: *Сколько всего книг Вы перевели? Помните первую?*

Кольдефи: Наверное, около 70. Первая — сборник рассказов «Быль» Бориса Пильняка, моя дипломная работа в Сорбонне. После

торую с восторгом читаешь, не звучна твоим мыслям, ощущениям. Например, никогда не бралась и не возьмусь за Льва Толстого. Громадным испытанием оказались для меня «Мертвые души». Но гениальный текст вдохновлял на невозможное.

СВОЙ: *Должен ли быть переводчик в какой-то степени лицедеем, иметь склонности к актерству?*

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Кольдефи: Французский переводчик Фолкнера однажды сказал, что нужно становиться обезьяной и повторять за писателем его гримасы. Одно время во Франции к тем, кто переводил художественную литературу, относились чуть ли не с презрением, а в изданиях начала XX века их фамилий обычно не упоминали. Теперь наблюдаем другую крайность: переводчики стремятся выйти на первые роли, задвинув на второй план бедных авторов. Однако такие амбиции вредны. Нужно знать приличествующее тебе место. Хочешь быть писателем — сочиняй свое.

СВОЙ: *Правомерно ли сравнить переводчиков с музыкантами, которые — каждый по-своему — исполняют произведения Чайковского, Стравинского, Прокофьева?*

Кольдефи: Именно так. И очень хорошо, когда у одного автора много разных исполнителей. Перевод — всегда выбор. Например, у Платонова важно не только содержание, большую роль играют ритм, музыка слов. Иногда все это невозможно передать. Кто-то выбирает мелодию, кто-то — смысл.

СВОЙ: *Кто Ваши любимые авторы?*

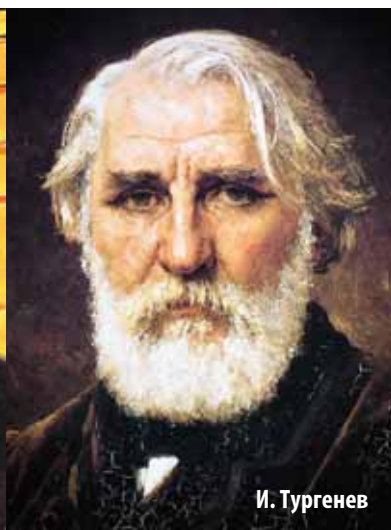
Кольдефи: Гоголь, Достоевский, Гончаров с его Обломовым, великим и трогательным героем. Конечно, особое место занимает Пушкин. Пусть это звучит банально, но он Моцарт русской литературы. Хороши писатели 20-х годов прошлого столетия Пильняк и Замятин. Замечательно играет словом Сорокин. Нравятся произведения Пелевина, хотя и не все.

СВОЙ: *«Не дай Бог переводить того, кто знает русский», — пошутил однажды известный мастер Виктор Гольишев. Это относится, видимо, и к переводам на французский?*

Кольдефи: Обычно русские писатели, которые владеют французским, не знают его нюансов и, конечно, всегда нас критикуют.

Ю. Анненков

И. Тургенев

А. Белый

О. Мандельштам

СВОЙ: *Есть ли непере译имые произведения?*

Кольдефи: Да, у тех же Пушкина и Гоголя. Но разве можно оставить бедного французского читателя без «Мертвых душ»? Мечтаю перевести целиком книгу Ивана Шмелева «Лето Господне».

СВОЙ: *Сейчас в русском (впрочем, и во французском) наблюдается беспрецедентное нашествие англицизмов: хайп, коворкинг, спойлер, питчинг, девайс... Надо ли защищать «великий и могучий» от вторжения или это бесполезно?*

Кольдефи: Лучше англицизмов избегать, хотя бывают исключения из правил. Если писатель играет этими словами, то надо следовать за ним. С другой стороны, мне, например, очень нравится,

как простые русские люди относятся к родному языку. В Москве моей подруге помогает женщина из Ростова-на-Дону, хохотушка лет сорока. Люблю с ней поговорить. Рассказывала, что зимой, впервые очутившись в Москве, страшно мерзла: «Понимаешь, накапустилась, накапустилась, а все равно холодно». Вначале я даже не поняла, что это значит. Вот такое образное словотворчество. Не уверена, что оно есть во Франции.

СВОЙ: *Президент Макрон и его окружение тоже все чаще берут на вооружение англицизмы.*

Кольдефи: Жаль, что у нас нет Гоголя, который бы это высмеивал. Он нам крайне необходим.

СВОЙ: *Вы встречаетесь с современными писателями, с чьими произведениями работаете?*

Кольдефи: Стараюсь. Переводчик, даже если остается в тени, видит в тексте любые недостатки и неточности. Помню, переводила книгу Александра Зиновьева, где он один и тот же завод называет по-разному. Сказала ему об этом. Александр Александрович ответил: «Вы правы. Я ошибся. Выбирайте, что хотите».

СВОЙ: *Однажды Вы назвали русскую литературу «иррациональной». Что имели в виду?*

Кольдефи: В ней нет французского картезианства с его рационализмом. Как ни странно, гениальность русской литературы, как и России в целом, в том, что через антилогику, иррациональность открывается реальность. Это меня всегда поражает. В «Мертвых душах» видишь всю Россию.

СВОЙ: *И напротив, нынешняя французская беллетристика, на Ваш взгляд, скорее, напоминает публицистику?*

Кольдефи: У нее отсутствует кругозор. Писатель занят только собой, своими проблемочками, разглядыванием собственного пупка. Нет присущего русским размаха. Последняя книга Мишеля Уэльбека «Покорность» в чем-то перекликается с Сорокиным, но на этом примере видишь разницу между французской и русской литературой. Уэльбек гораздо хуже.

СВОЙ: *Наверное, невелик круг французов, читающих русских авторов?*

Кольдефи: Так было всегда. А сегодня в принципе меньше читают. Многие предпочитают давно знакомых классиков, а не современных прозаиков, с которыми не знакомы. Скажем, в России традиционно любят не только французские сыры, но и книги. Поэтому у вас несравненно больше переводят нашей современной литературы, чем во Франции — русской.

СВОЙ: *Вы долгое время преподавали русский в Сорбонне. Почему все меньше французов изучают язык Толстого?*

Кольдефи: Интерес к нему в свое время упал, но в последние годы понемногу возвращается. Гораздо меньше стали учить его в школах и лицеях — это политика. Однако растет число студентов, занимающихся русским в университетах с нуля. Это относится и к французам, которые либо работают в России, либо так или иначе с ней связаны.

СВОЙ: *Французская русистика переживает кризис?*

Кольдефи: Он возник после распада Советского Союза и пока не преодолен. До этого были советологи: одни — против СССР, другие — за. Русологов до сих пор нет. Есть представители молодого поколения, ко-

торые защищают диссертации по России, но они менее начитанны, чем моя генерация. Надеюсь, что постепенно в этом плане все изменится.

СВОЙ: *Россию нельзя понять, считает известный французский беллетрист Давид Фонкинос, если не читал ее литературу, и прежде всего Пушкина.*

Кольдефи: Все-таки, наверное, можно — если вы долго живете не только в Москве или Питере, но и в глубинке. Тогда как литература этот процесс познания замечательно суммирует и сублимирует.

СВОЙ: *Влияет ли воинствующая русофобия, которой страдает часть истеблишмента, интеллектуалов и СМИ, на интерес к нашей культуре, и в частности к литературе?*

Кольдефи: Несомненно. Вашу страну хотят показать в кривом зеркале, но французы не такие глупые. У меня дача недалеко от Парижа. Там живут простые люди, которые слышаны о том, что я имею отношение к России. Они мне говорят: «Не знаем, что вы сами

думаете, а нам кажется, что Путин совсем не так плох, как нам твердят». У меня появились студенты, решившие изучать язык, литературу и историю по той причине, что им надоело слушать мифы о России. Молодежь не поддается пропаганде, предпочитает узнавать страну по первоисточникам. Мои бывшие ученики, чистокровные французы, живут в России, где нашли работу, создали семьи, растят детей. Они не хотят возвращаться домой.

СВОЙ: *Ваши литературные пристрастия объясняются главным образом русскими корнями?*

Кольдефи: Моя бабушка по материнской линии уехала из Питера в 1921 году и добралась до Парижа. Дед, офицер, ушел на войну с Германией. В 1916-м получил ранение, попал в немецкий плен. Родные думали, что убит. Однако бабушка разыскала его уже в Швейцарии, куда он попал после обмена пленными. В Россию не вернулись — бабушка не захотела. У французского деда было большое хозяйство, в том числе виноградники. Однажды утром он сказал, что устал и хочет полежать. Взял в руки «Войну и мир», начал читать... и умер. Вот такое предзнаменование.

СВОЙ: *Вы собираетесь посмотреть фильм «Матильда», вокруг которого в России бушевали такие страсти?*

Кольдефи: Непременно. Не знаю, как сам режиссер относится к царю и к Матильде и что у него получилось. Жаль, если это просто бульварное кино. Так или иначе, вся эта история не стоит скандала, и в любом случае не надо ничего запрещать.

У меня появились студенты, решившие изучать русский язык и литературу, потому что им надоело слушать мифы о России. Молодежь предпочитает узнавать страну по первоисточникам

П. Кропоткин с супругой в Дмитрове

Приют для анархиста

Ольга Марьяновская

Его бурная жизнь была полна странствий и приключений, трудностей и опасностей, напряженных умственных трудов и контрастов быта. Последние годы прошли в скромном деревянном доме в подмосковном Дмитрове. В центре города, по соседству с главным зданием Дмитровского кремля, расположен единственный в мире музей Петра Кропоткина. 9 декабря со дня рождения известнейшего революционера-анархиста — 175 лет.

ВЕРНУВШИСЬ в 1917 году из эмиграции, он отказался от предложенного Временным правительством портфеля министра. После Октября избегал сотрудничества с большевиками, отошел от активной политической деятельности, предпочтя тихую провинциальную жизнь. Работники музея полагают, что в Дмитров Кропоткин приехал в мае 1918-го. Здесь приобрел городскую усадьбу, принадлежавшую предводителю уездного дворянства графу Михаилу Олсуфьеву, и поселился до конца дней. Городок тогда населяли

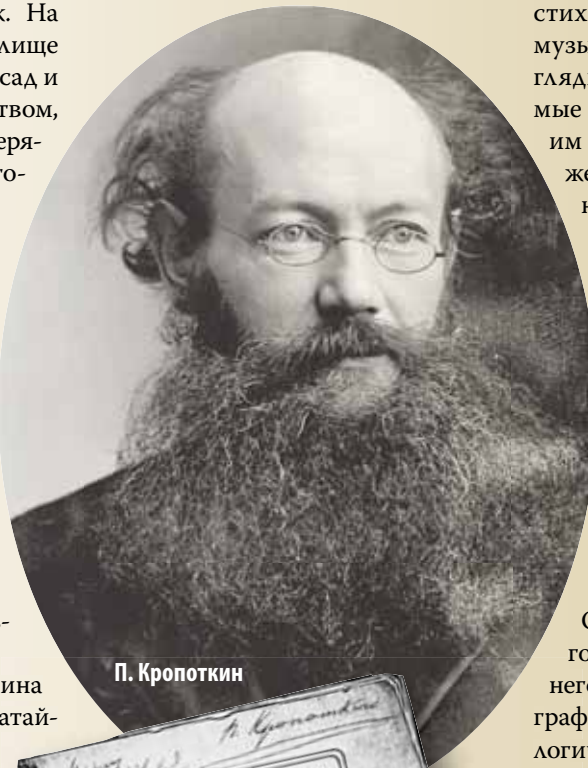
порядка пяти тысяч человек. На бывшей Дворянской улице жилище Петра Алексеевича окружали сад и огород с подсобным хозяйством, сейчас же оно несколько затерялось среди панельных многоэтажек.

После смерти главного анархиста XX века в этом доме оставались его вдова и родственники, сохранявшие для истории две мемориальные комнаты. Впоследствии здание приспособили под себя различные организации, из-за чего первоначальный интерьер был нарушен, дом пришел в ветхое состояние, а ценные документы и рукописи оказались в разных местах.

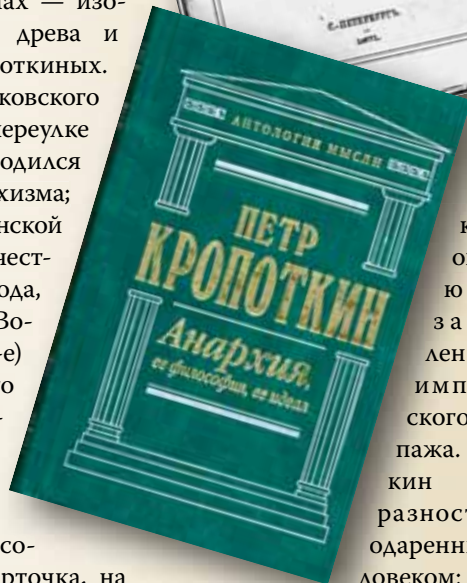
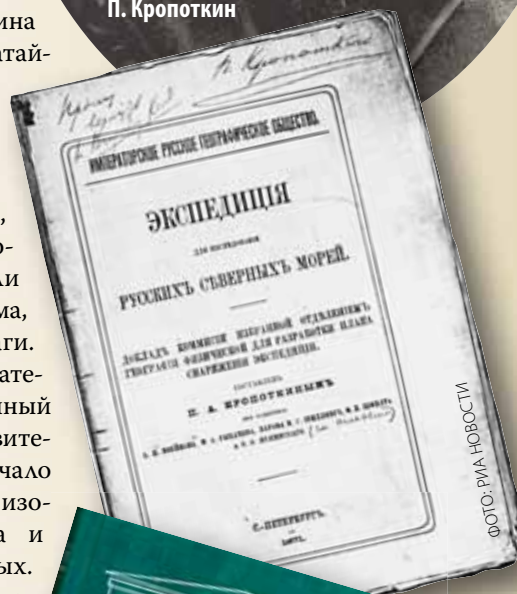
О создании музея Кропоткина дмитровские доброты ходатайствовали много лет. В 2014-м таковой — после длительной реставрации помещений — наконец открылся. Подобрали мебель начала XX столетия, подобную той, что могла находиться в комнатах, принесли сюда фотографии, книги, письма, подлинные официальные бумаги.

В первом зале собраны материалы, показывающие жизненный путь революционера, представителя древнего рода, берущего начало от Рюриковичей. В рамках — изображение фамильного древа и княжеский герб Кропоткиных. Рядом — снимок московского особняка в Штатном переулке на Арбате, где в 1842-м родился будущий идеолог анархизма; портрет деда по материнской линии, участника Отечественной войны 1812 года, генерал-губернатора Восточной Сибири (в 1830-е) Николая Сулимы; фото ближайшей родни и самого Петра Алексеевича в разные годы.

Тут же — портрет маленького Пети, нарисованный мамой, фотокарточка, на

П. Кропоткин

стихи, увлекался философией и музыкой, любил рисовать (что наглядно подтверждают экспонируемые копии зарисовок, сделанных им во время путешествий, а также иллюстраций к собственным книгам).

В молодости, покоренный реформаторскими идеями Александра II, он мечтал воплотить их в жизнь. По окончании Пажеского корпуса блестящей столичной карьере предпочел госслужбу в Сибири. Был чиновником по особым поручениям при губернаторе Забайкальской области, служил в Амурском казачьем войске. Осознав, что реформатора на государственном поприще из него не вышло, начал вести географические, орографические, геологические исследования. Участвовал в экспедициях по Восточной Сибири и Маньчжурии. Собрал коллекцию минералов, сделал ряд научных открытий.

В витринах музея размещены карты, по которым можно проследить маршруты его путешествий, фотоснимки горной вершины и ледника, названных его именем. В 1867 году он оставил военную службу и поступил в Санкт-Петербургский университет. Был избран членом Императорского русского географического общества. Несколько лет увлеченно занимался наукой. Составил, помимо прочего, записку, в которой предлагал организовать поход по северным морям, предугадал существование архипелага, позже открытого австрийцами и названного Землей Франца-Иосифа. У нашего правительства на это предприятие денег, увы, не нашлось.

В начале 1870-х годов его жизнь круто изменилась. Он стал анархистом, вступил в Юрскую федерацию Первого интернационала и в кружок «чайковцев». Вел революционную пропаганду среди питерских рабочих, за которую впервые

которой он, уже ноша, запечатлен в форме императорского камерлапа. Кропоткин являлся разносторонне одаренным человеком: писал

Дом-музей в Дмитрове

был арестован. После двухлетнего пребывания в Петропавловской крепости бежал из военного госпиталя и уехал за границу. О тех событиях повествуют выполненные им рисунки и фотографии людей, помогавших организовать побег. Эмиграция длилась более 40 лет. Кропоткин жил в Швейцарии, Франции, Англии. Все эти годы работал как ученый-географ, писал статьи для Британской энциклопедии, создавая попутно свои основные исторические и политические труды: «Речи бунтовщика», «В русских и французских тюрьмах», «Хлеб и воля», «Современная наука и анархия», «Великая французская революция. 1789–1793», «Записки революционера». Все эти книги также представлены в его «именном» музее.

За проповедь анархистских идей во Франции он был приговорен в 1883-м к пяти годам заключения. Часть этого срока провел в тюрьме

Памятник работы А. Рукавишникова

города Клерво, а в 1886-м вышел на волю по амнистии.

Одна из самых ценных меморий — прижизненный скульптурный портрет Кропоткина, выполненный Ильей Гинцбургом в 1920 году. В уютной гостиной сохра-

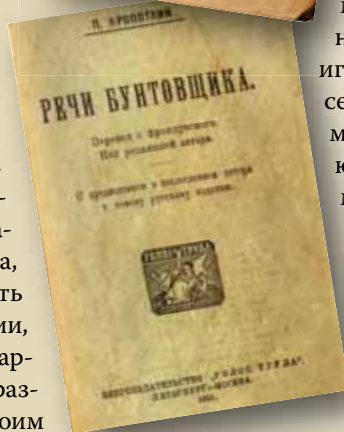
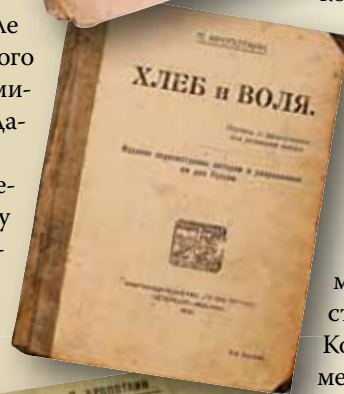
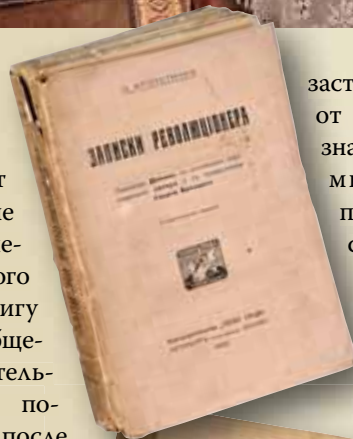
нился подлинный изразцовый камин конца XIX столетия. Когда-то рядом с ним сфотографировались Петр Алексеевич и его жена Софья Григорьевна. Теперь этот снимок занимает центральное место в экспозиции зала, посвященного

пробыванию князя в Дмитрове. В этом городке, несмотря на почтенный возраст и крайне непростые бытовые условия, ученый по-прежнему много трудился: писал книгу «Этика», занимался общественной и просветительской деятельностью, помогал открывшемуся после революции Музею местного края, собирал экспонаты, минералы, выступал с докладами.

Особое внимание уделял Дмитровскому союзу кооперативов. Видел в кооперативном движении большие возможности для экономического развития как отдельных территорий, так и всей России. Дистанцируясь от политики, не оставался равнодушным к тому, что происходило в стране. Встречался с вождем большевиков. Написал Ленину два письма, стремясь предотвратить уничтожение кооперации, указывая на засилье партийной бюрократии и разгул красного террора. Своим

заступничеством спас от репрессий многих знакомых. Хотя его мировоззренческие позиции шли вразрез с политикой тогдашнего государства, Кропоткина не притесняли — имя теоретика анархокоммунизма было известно во всем мире, он пользовался популярностью у западноевропейских рабочих.

В углу гостиной между окнами стоит пианино. Когда-то на этом месте был рояль, на котором любил играть Петр Алексеевич. Сотрудники музея рассказывают: музицируя зимой в плохо отапливаемой комнате, он простудился, заболел воспалением легких и скончался 8 февраля 1921 года. Третий

зал — лекционный, в нем собрана информация по истории анархизма от возникновения до наших дней. В витринах — труды основоположника, изданные в разных странах, и его посмертная маска.

Самая маленькая комната служила для него кабинетом и спальней. Здесь вам экскурсоводы поведают о его последних днях, торжественном прощании с ним в Колонном зале Дома союзов и похоронах на Новодевичьем кладбище. На втором этаже размещен «ретромузей» в память о первой краеведческой экспозиции, начало которой было положено при содействии Кропоткина. Тут можно увидеть собрание минералов, фрагменты черепа и скелета мамонта, найденные при строительстве канала Москва — Волга, коллекцию бабочек, гербарий и много других интересных вещей.

В музее проводятся научные географические и образовательные конференции, уроки для школьников, тематические экскурсии для взрослых и детей. Поблизости, на улице, названной в честь князя-анархиста, в 2004 году был установлен памятник Кропоткину, созданный народным художником России Александром Рукавишниковым.

Гиперболоид доктора Басова

Андрей Самохин

Зловещий аппарат инженера Гарина в романе Алексея Толстого испускает тепловой луч огромной мощности, полученный от горящего угольного источника с помощью гиперболических зеркал. Созданный тридцатилетием позже лазер устроен принципиально иначе. Рушить им что-либо на больших расстояниях возможно, но не очень эффективно. Зато других, мирных ампула у изобретения оказалось столько, сколько целой армии фантастов не приснилось бы. Нобелевскую премию за это, без преувеличения великое, открытие получали три человека: двое русских и американец. Среди них — медик по первоначальному образованию, фронтовой врач Николай Басов, родившийся 95 лет назад, 14 декабря 1922 года. Точную дату появления на свет их совместного с Александром Прохоровым научно-технологического детища назвать сложнее.

ФОТО: АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВ-ВАСИЛЬЕВИЧ/РИА НОВОСТИ

Н. Басов. 1965

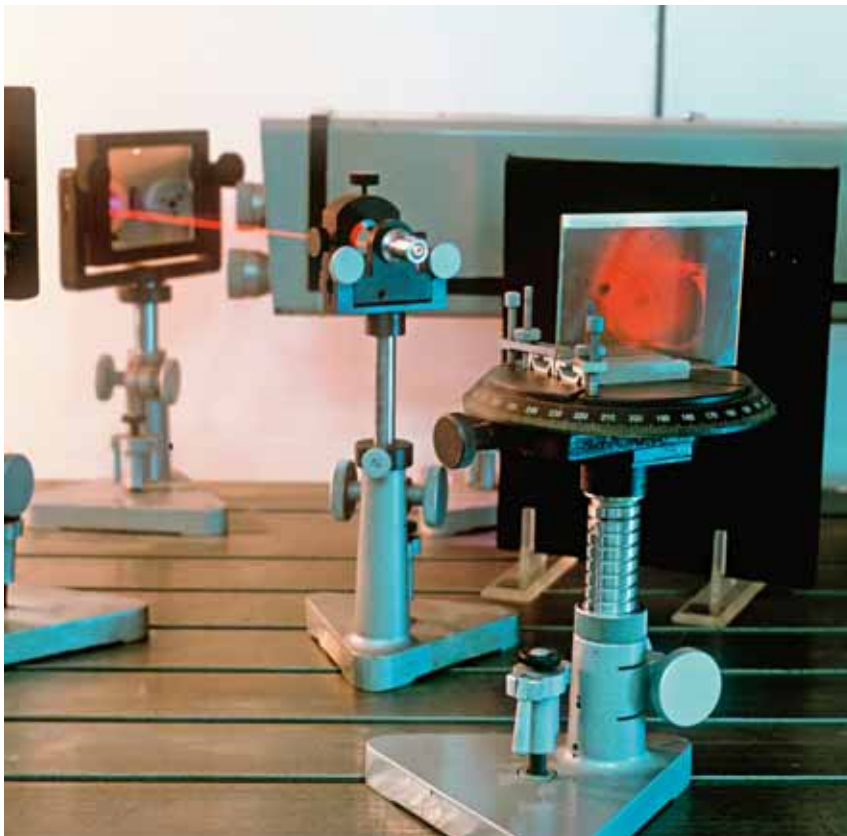

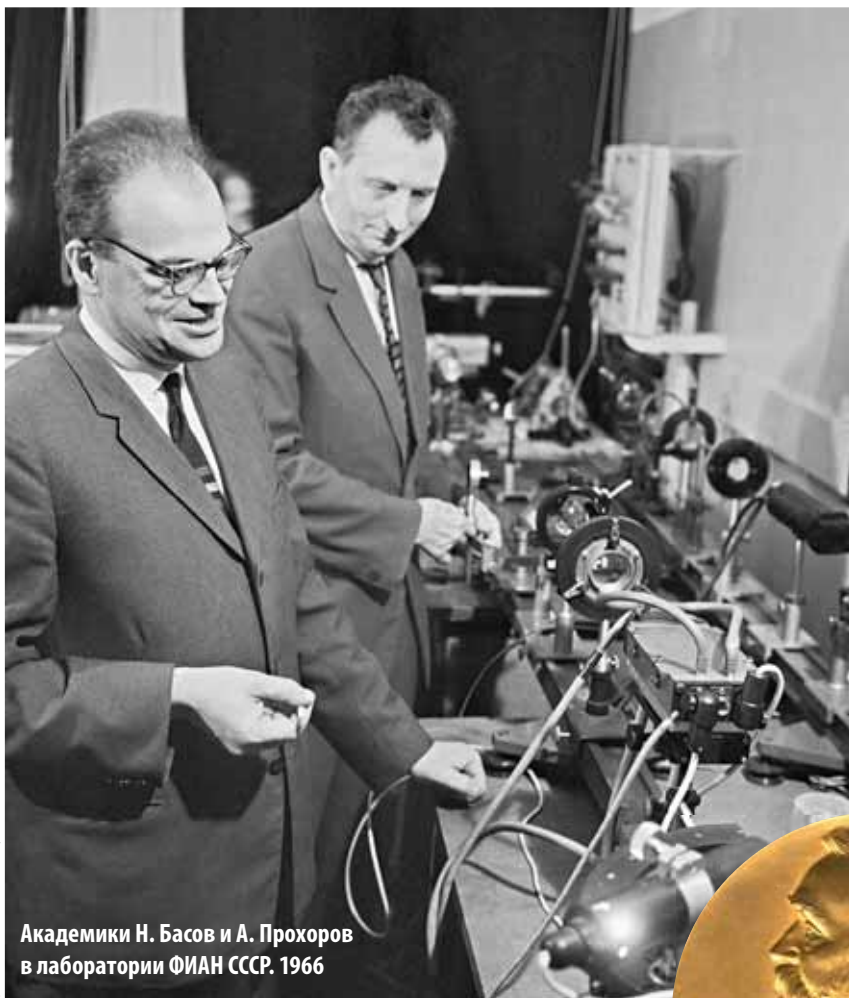
ФОТО: А. ГАНЮШИНИЧ/РИА НОВОСТИ

Печатающие принтеры и музыкальные диски, целеуказатели и дальнометры, считыватели штрих-кодов и прецизионные фрезы, медицинские скальпели и приборы навигации, системы передачи информации на расстояние и сварочные аппараты, промышленные резак и инструменты светового шоу — всех устройств и компонентов, в которых применяется это чудо XX века, не перечислить.

Путь к универсальному и до сих пор сулящему огромные перспективы изобретению был долг и тернист. На разных стадиях по нему двигались несколько поколений выдающихся ученых: начиная с Макса Планка, определившего на заре столетия минимальную порцию энергии — квант, и Альберта Эйнштейна, обнаружившего наименьшую элементарную частицу света — фотон. Последний к тому же сформулировал теорию «вынужденного излучения».

Крупнейший вклад в будущий научно-технологический прорыв внесли в 1951-м наши соотечественники — Валентин Фабрикант и его коллеги. Они обнаружили, что интенсифицировать испускание фотонов можно посредством электромагнитного излучения, проходящего через определенную среду. Их заявка на патент оформлялась, увы, почти восемь лет. Но с того самого пятьдесят первого года научное и техническое приближение к современному лазеру бешено ускорило сразу на двух континентах.

Можно спорить о том, кто раньше сформулировал принципы первого мазера (квантового генератора, предшественника лазера) — Александр Прохоров и Николай Басов или профессор Колумбийского университета Чарльз Таунс. Весьма схожие исследования вели Джозеф Вебер из Мэрилендского университета, профессор Принстона Роберт Дике, голландский физик Николас Бломберген, работавший в Гарварде, и некоторые другие. С научной публикацией по мазеру

Академики Н. Басов и А. Прохоров
в лаборатории ФИАН СССР. 1966

ФОТО: ОЛЕГ КУЗЬМИН/ТАСС

опередил других Таунс. Зато Прохоров и Басов разработали и впервые опубликовали так называемую трехуровневую схему накачки, послужившую основой для создания современных твердотельных лазеров.

Заметим, что советский тандем руководствовался отнюдь не пошлым утилитарным мотивом. Александр Михайлович и Николай Геннадиевич были фронтовиками, адептами храма науки и безусловными патриотами, хотя и имелись меж ними различия в особенностях «наследственного багажа»: первый — из рабочих, профессиональных революционеров, сбежавших в свое время из ссылки в Австралию; второй — потомок священника, сын профессора, инженера-гидростроителя.

Т р у д о в а я жизнь Басова началась с Военно-медицинской академии и службы военфельдшером на 1-м Украинском фронте.

Как-то раз, во время наступления в Польше, он и его боевые товарищи наткнулись в лесной чаще на немецкий химзавод, который надо было немедленно уничтожить. Защитный костюм и действия по инструкции не уберегли от тяжелейшего отравления, едва не стоившего Николаю Геннадиевичу жизни. Каким-то чудом ему удалось не только спастись, но и сохранить прежнюю работоспособность и острый ум для предстоящего великого подвига.

Любопытен и другой эпизод, характеризующий будущего созда-

теля лазера. Сюжет — почти как в фильме «Летят журавли»: один из раненых пациентов Басова в госпитале узнал из письма об измене жены и заявил, что больше не хочет жить. Увидев, что никакие угрозы на больного не действуют, врач решился на ложь во спасение — от лица солдатской жены написал бедолаге письмо с мольбами о прощении и заверениями в любви. Боец пошел на поправку и вскоре вернулся в строй.

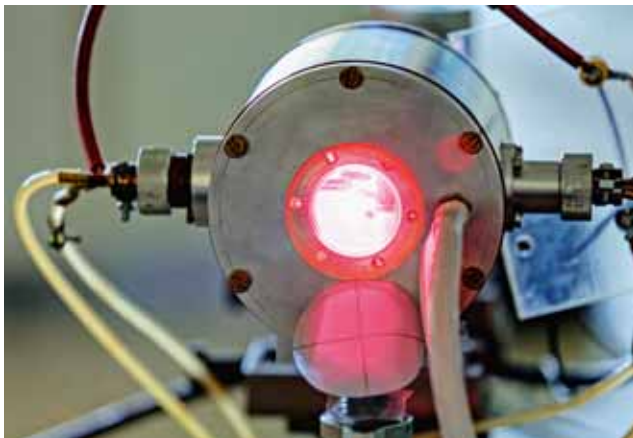
После войны Басов вступил, наконец, на стезю, о которой мечтал с детства, стал студентом Московского механического института боеприпасов. А в 1948 году попал в лабораторию колебаний Физического института им. П. Н. Лебедева. Ее руководителю Прохорову так приглянулся сообразительный аспирант в качестве дополнительной штатной единицы, что он तो ли в шутку, то ли всерьез утверждал: дескать, выменял его у коллег за собственноручно сконструированный синхротрон. Ассистирование вскоре переросло в полноправное и сверхпродуктивное сотрудничество.

Интересно, что накануне вручения Нобелевки соавторы грандиозного открытия бросили жребий, кому из них произносить речь. «Повезло» Басову, из-за чего его старший товарищ ничуть не расстроился: Прохоров решительно не жаловал говорильню. Из Стокгольма оба вернулись героями советской науки, равно известными и уважаемыми. В дальнейшем пути сотворцов лазера разошлись. Они не только трудились в разных институтах и по различным направлениям науки, но и много лет не общались. Одной из видимых причин стала жесткая конкуренция за госзаказ, о менее

ФОТО: PHOTOPRESS

энергии в космос для компенсации урона от глобального потепления.

Его предвидения нашли яркое отражение в многолетнем руководстве журналами «Квантовая электроника», «Природа», а также Всесоюзным обществом «Знание».

На закате дней бывшие соратники вновь подружились. Делить им было нечего, а состояние науки в постсоветский период одинаково угнетало и возмущало обоих. Басов ушел из жизни в 2001-м — на год раньше своего бывшего наставника, коллеги, соперника и друга. Александр Прохоров искренне скорбел об этой утрате, но вскоре упокоился бок о бок с товарищем на Новодевичьем кладбище.

ФОТО: PHOTOPRESS

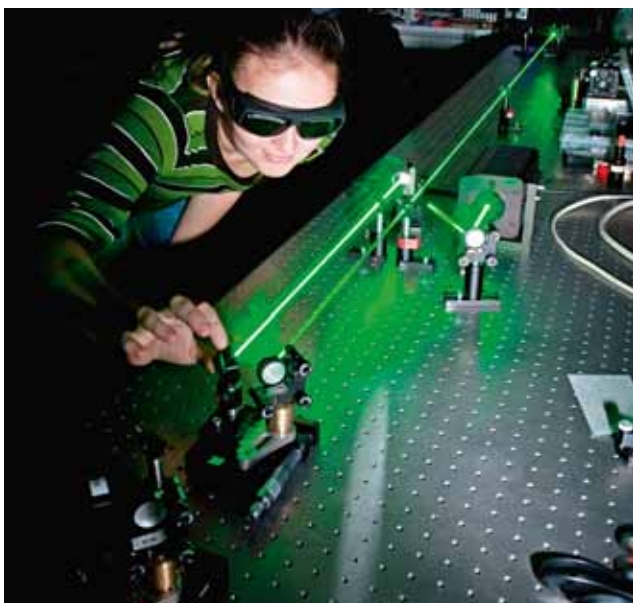

ФОТО: МАКСИМ БОГОДВИЖИРИЯ НОВОСТИ

очевидных история умалчивает. Вслед за этим разрывом и все физики-лазерщики негласно разделились на прохоровцев и басовцев, что, впрочем, не мешало обеим группам успешно работать на единый суперпроект, имевший для страны такое же стратегическое значение, как ядерная и космическая отрасли. И нет вины его отцов-основателей в том, что на каком-то этапе мы сильно отстали от Запада в области информационных и бытовых лазерных технологий.

В последние годы жизни Прохоров преуспел в разработке целого спектра медицинских установок и инструментов. Басов же с головой ушел в исследования по нелинейной оптике, устремленные далеко в будущее. О силе научного предвидения Николая Геннадиевича ярко свидетельствует, например, то, что он еще в 1961 году предсказал охват всего мира сверхъёмкими каналами связи в оптическом диапазоне, перекачку информации по лазерному лучу. Тогда это воспринималось как ненаучная фантастика. Так же, как до сих пор кажется нереалистичной другая, более поздняя басовская идея — лазерного сброса избытка земной

ФОТО: PHOTOPRESS

Имя Прохорова посмертно было увековечено в большом количестве топонимов, научных и учебных заведений. Басов еще при жизни «стал» малой планетой, внесенной в каталог астероидов. Что же касается финала истории их общего «гиперболоида», то такого нет и не предвидится. Лазерная эпоха по большому счету еще только начинается. Хочется верить, что в ней будет мало похожего на мрачные фантазии Алексея Толстого и Джорджа Лукаса и много такого, о чем мечтали и к чему стремились два гениальных советских физика-фронтвика.

Страна мастеров

ФОТО: ВАЛЕНТИН КУНОВ/ГЛАС

Атомный ледокол «Ленин». 1961

Человек и ледокол

Андрей Самохин

Шестьдесят лет назад в Ленинграде спущено на воду первое в мире надводное судно с атомной силовой установкой. Так был осуществлен очередной научно-технологический прорыв СССР, сопоставимый по значимости с запуском спутника. Могучий и в то же время изящный ледокол «Ленин» за три десятилетия арктической службы преодолел 654 тысячи морских миль, проведя за собой около четырех тысяч самых разных судов и плавсредств, стал родоначальником уникального семейства плавучих бойцов ледового фронта. Такого флота и поныне нет ни у одной страны в мире.

Проект-92

Рожденные в СССР помнят мини-сюжет, повторявшийся на марках и открытках, календарях и этикетках: мощный корабль под сполохами северного сияния крушит грудью ледяные торосы, разгоняя перед собой арктическую ночь ослепительным светом прожекторов.

А началось все в 1952-м с идеи Игоря Курчатова — дать морскому кораблю ядерное сердце. Советская атомная бомба уже была успешно испытана, водородная — на подходе. Готовился пуск первого на планете производителя мирного атома — АЭС в Обнинске.

Расчеты, проведенные Курчатовым совместно с будущим президентом АН СССР Анатолием Александровым, дали впечатляющие результаты: объема урана со спичечный коробок хватало для того, чтобы многотонная машина могла сутки напролет колоть толстые льды, сверкая при этом всеми огнями. Проблема веса корабельного топлива (а значит, и жестких ограничений в длительности хода) уходила в прошлое. За один рейс побывать и в Арктике, и у берегов Антарктиды — это ли не мечта всякого полярника?

Рабочее название «Проект-92» первый атомоход получил в честь своего питательного вещества, урана, — 92-го элемента таблицы Менделеева. Главным конструктором назначили опытного судостроителя Василия Неганова. Атомную установку проектировал Игорь Африкантов, ставший позже создателем первых реакторов советских субмарин. Научное руководство возглавил Александров.

Ледокол строила вся страна: судовые турбины шли из Кирова, турбогенераторы — из Харькова, электродвигатели делали в городе на Неве. Специальную сверхпрочную корпусную сталь разрабатывали в ленинградском институте «Прометей». Всего в проекте были заняты около 300 предприятий и НИИ. При создании корпуса впервые применили автоматическую резку и сварку. Здесь вообще очень многое предстало миру впервые, включая, например, особые обводы носовой части, облегчавшие разлом льда, или систему перекачки воды из балластных цистерн с одного борта на другой, позволявшую судну, раскачиваясь, освободиться из ледового плена.

Как «Ленин» «Сталина» обошел

От закладки до спуска на воду понадобилось менее полутора лет. Размеры гиганта: 134 метра в длину, около 28 в ширину и 16 в высоту. Два ядерных реактора и четыре турбины обеспечивали ему скорость в 18 узлов (порядка 33 км/час), позволяли ломать лед толщиной до двух с половиной метров. На корме разместилась взлетно-посадочная площадка для вертолетов ледовой разведки.

По мощности он вдвое превосходил крупнейший на тот момент американский ледокол «Глетчер». Силовая установка имела четыре барьера защиты от выхода радиации наружу: за годы службы «Ленина» сколь-нибудь опасной дозы облучения не получил ни один член экипажа. Хотя боялись поначалу все, начиная с моряков натовских кораблей, следовавших в фарва-

Капитан атомохода
Б. Соколов. 1984

ФОТО: СЕМЕН МАЙСТЕРМАН/ТАСС

Академик
А. Александров. 1991

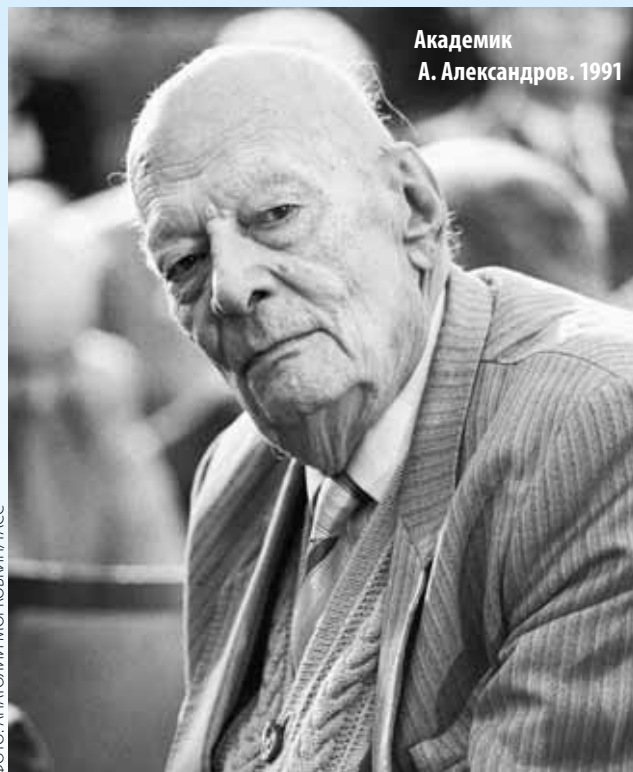

ФОТО: АНАТОЛИЙ МОРКОВИЧ/ТАСС

тере атомохода (те непрерывно замеряли фон воды и воздуха), заканчивая руководством Ленинграда, требовавшим от судостроителей твердых гарантий в том, что ледокол, оказавшись поблизости, не взорвется.

Не поспешили и на обустройство с убранством: кинозал, музыкальный и курительный салоны, библиотека, бани; парикмахерская, механическая прачечная, хлебопекарня, госпиталь с операционной. Команда разместилась в одно- и двухместных каютах, в облицовке стен радовали глаз карельская береза и кавказский орех. Палубы соединялись изящными трапами.

Нельзя сказать, что премьерный показ «Ленина» прошел абсолютно гладко. Проблемы начались с выхода на большую воду через Ленинградский морской канал. Его обычная девятиметровая глубина была на метр меньше осадки ледокола. Дождаться большого прилива догадались не сразу. С изрядным риском опоздать — загодя вывели в Финский залив. Однако обнаруженная при этом сильная вибрация винта тут же отправивла «Ленина» обратно — на двухлетнюю доработку.

«Ленин» — до него самый крупный наш ледокол носил имя «Сталин» — стал огромным имиджевым успехом Советского Союза. Еще во время ходовых испытаний на нем побывали вице-президент США Ричард Никсон, премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, кубинский вождь Фидель Кастро. Высокие гости не могли скрыть восхищения.

Водолаз атомохода готовится к погружению. 1960

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙРИА НОВОСТИ

Во время проверки радиационной защиты ледокола. 1960

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙРИА НОВОСТИ

Западные газеты выходили с аршинными заголовками: «Полярный колосс Советов — на Неве», «Русские приручили мирный атом».

Начало ходовых испытаний в сентябре 1959-го совпало с первым в мировой истории прилунением автоматической станции «Луна-2» и с визитом Хрущева в США. Последний, купаясь в отраженных лучах славы, с оптимизмом заявил: «Наш ледокол будет ломать не только льды океанов, но и льды холодной войны».

На ходовые испытания судно выходило под началом Павла Пономарева, прежде водившего сквозь

льды легендарного «Ермака».

После этого ледокол, уже официально принятый госкомиссией, прибыл на свою базу в Мурманск. Через год на капитанский мостик заступил Борис Соколов. С ним атомоход открыл новые славные страницы освоения Арктики. К примеру, прошел район тяжелых льдов в Чукотском море и доставил туда экипаж дрейфующей полярной станции «Северный полюс-10». В 1971-м первым из надводных судов обогнул Северную Землю со стороны полюса. А пятью годами позже провел к Ямалу ди-

зель-электроход «Павел Пономарев», начав тем самым регулярное снабжение тамошних газодобытчиков по морю.

Главный экспонат

Две аварии — в 1965-м и 1967-м — в советские годы «секретились», хотя ликвидацию последствий второй

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ЕПАНЧИНЦЕВ/РИА НОВОСТИ

Плавучий музей в Мурманске

ФОТО: АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО/РИА НОВОСТИ

Рубка управления

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ЕПАНЧИНЦЕВ/РИА НОВОСТИ

Салон капитана

из них вполне можно считать еще одним памятником отечественному инженерному гению. Тогда обнаружилась течь трубопроводов реакторного контура, а во время устранения протечки оказались серьезно повреждены узлы энергоустановки. Потребовалась замена всего реакторного отсека. Чтобы не облучать людей при демонтаже, провели уникальнейшую операцию: судно встало над местом будущего захоронения реактора; водолазы за несколько дней виртуозно выпилили фрагмент днища; далее последовали откачка воды из центрального отсека, резка переборок, заливка «фонящего» реактора специальным твердеющим составом и, наконец, плавный спуск на дно опасного груза весом 3700 тонн и длиной более 20 метров.

Уже на суше «Ленину» пересадили атомное сердце. С новым он безаварийно доработал до перестроечного 1989-го, а после встал на вечную стоянку в Мурманске.

В 1990-е до ледокольной легенды, ржавевшей в доке, никому не было дела: первый в мире атомоход чуть было не распилили на иголки. Однако усилиями энтузиастов, а затем Росатома, которому судно передали в нулевые, оно было в известной мере спасено. Сегодня ледокол гордо возвышается над мурманским пирсом в качестве памятника истории и культуры федерального значения, а также музея атомного ледокольного флота СССР.

Проходя по его палубам, прикасаясь к стенам и приборам, заглядывая в книгу гостей с автографами Юрия Гагарина и других, слушая в кают-кампании фортепиано, на котором Александра Пахмутова впервые сыграла «Усталую подлодку», можно ощутить слегка щемящее чувство гордости за свою прежнюю страну. И, наверное, преисполниться надежды на ее будущее — как же без этого.

Манна чудесная

Максим Сырников

Это некогда весьма популярное на Руси блюдо называли еще и манным караваем. Интересно, что, говоря слово «манна», русские, как правило, имели в виду семена дикорастущего манника. Именно из него варили манные каши, готовили похлебки и одноименные кушанья.

МНОГО позже начали размалывать в мелкую крупу пшеницу, и название «манна» перешло именно к ней.

Манник и вкусен, и сытен, не требует длительного томления, однако начинать запекать его следует за несколько часов до подачи на стол.

Предпочтительнее всего использовать крупу, изготовленную из мягкой пшеницы.

Манник

- * 1 стакан манной крупы
- * 2,5 стакана густой простокваши
- * 1 яйцо
- * 5 ложек растопленного сливочного масла
- * Две столовые ложки меда
- * Сода — на кончике ножа
- * Соль

В простокваше растворить мед и соль. Всыпать в смесь крупу, размешать и оставить для набухания на 2–3 часа. Добавить яйцо, соду и тщательно вымесить.

Вылить смесь на смазанную маслом сковородку или в сотейник. Полить сверху маслом и поставить в духовку до запекания. Подавать манник можно со сметаной, медом или вареньем.

Своей

ДЕКАБРЬ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки